

ІОСИФЪ

ВЪ

ДЕВЯТИ ПѢСНЯХЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. БИТОБЕ

Томъ I.

Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1769. года.

ОТЪ

ПЕРЕВОДЧИКА.

* * *

Г. Битобе, творецъ сего сочиненія, извѣстенъ ученому свѣту переводомъ своимъ Гомера. Упражняясь долгое время въ познаніи красотъ древнихъ Авторовъ, написалъ онъ самъ Іосифа, въ которомъ подражалъ онъ древнимъ весьма удачно.

Намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ написать здѣсь по-

хвалу сему сочиненію; ибо оному отъ всѣхъ знающихъ Французской языкъ отдается справедливость. Я весьма увѣренъ, чтобъ оно и въ переводѣ на нашъ языкъ конечно понравилось, естьли бъ не зналъ я слабости силъ моихъ, и естьли бъ не встрѣчались мнѣ затрудненія, о которыхъ здѣсь нѣчто предложить намѣренъ.

Всѣ наши книги писаны или Славенскимъ, или нынѣшнимъ языкомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ кажется, что въ переводѣ такихъ книгъ, каковъ Телемакъ, Аргенида, Іосифъ и прочія сего рода, потребно держаться токмо важности Славенскаго языка: но при томъ наблюдать и ясность нашего; ибо хотя Славенской языкъ и самъ собою ясенъ, но не для тѣхъ, кои въ немъ не упражняются. Слѣдовательно слогъ долженъ быть такой, каковаго мы еще не имѣемъ. Телемакъ переведенъ Славенскимъ; а въ Аргенидѣ

нашелъ

нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностію сея книги. И такъ главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мыслъ Славенскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, боясь или возмутить ясность, или тронуть нѣжность слуха. Приходили мнѣ на мыслъ наши нынѣшнія слова̀ и реченія, весьма употребительныя въ сообществѣ, но не имѣя примѣру, оставлялъ я оныя, опасаясь того, что не довольно изобразятъ они важность авторской мысли.

Сколько возможно мнѣ было, я старался, преодолѣвая сіи затрудненія, не удаляться отъ автора. Благосклонное принятіе моего перевода почту̀ я себѣ ободреніемъ къ продолженію трудовъ моихъ.

Г. Битобе, какъ я ужѐ упоминалъ, переводилъ Гомера, и для того начинаетъ онъ Іосифа слѣдующимъ образомъ,

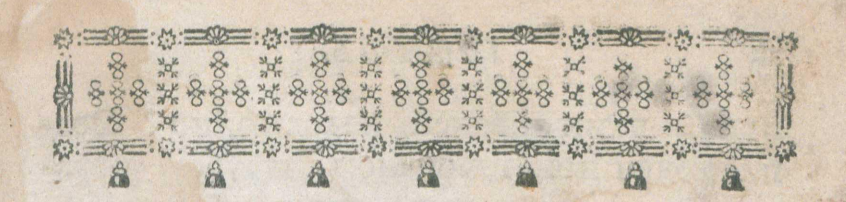
Longtems j'osai répéter les accords belliqueux du Poëte, qui, du haut de l'Helicon, où il regne couronné des lauriers les plus antiques, enflamme & le guerrier & celui qui le chante: aujourd'hui animé d'une audace nouvelle, je n'amprunterai point mes accens; un sujet plus doux, mais non moins noble, m'appelle & m'inspire.

то есть:

Долгое время дерзалъ я повторяти бранный гласъ того пѣснопѣвца, который съ высоты Геликона, гдѣ царствуетъ онъ древнѣйшими увѣнчанъ лаврами, воспламеняетъ и воина, и кто поетъ дѣла̀ его: нынѣ новою оживленъ смѣлостію, не буду болѣе заимствовати гласа моего: дѣло пріятнѣйшее, и равно величественное, зоветъ меня и восхищаетъ.

ІОСИФЪ.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

* * *

Славлю мужа непорочнаго, проданнаго своими братіями, изъ единаго бѣдства въ другое низверженнаго, возведеннаго потомъ изъ бездны золъ на верьхъ величества и власти; благодѣтеля той страны, гдѣ носилъ оковы, и въ цвѣтущей своей юности, во дни щастія и бѣдъ своихъ, явившаго себя совершеннымъ мудрости примѣромъ.

О смертные! не уже ли добродѣтель толь мало вамъ любезна, что дѣло мною воспѣваемое можетъ явиться

предъ вами пѣсней недостойно? Воспламененные героичною трубою поражающею слухъ вашъ шумомъ оружія, воплемъ и битвами, куда по большей части вы не бываете призваны, не ужè ли сердцà ваши безчувственны будутъ къ сему сладкому и плѣняющему согласію мирныхъ добродѣтелей, въ которыхъ можете и вы участіе пріяти?

О ты! который предалъ намъ сію жалостную повѣсть, изобразя твореніе свѣта, безобразный хаосъ пріемлющій законы, возженное единымъ словомъ на тверди солнце, чинъ звѣздный начавшій свѣтлое свое теченіе, землю облекшуюся дерномъ, растѣніями и цвѣтами, древеса листвія своя пустившія, горы до облакъ досязающія, рѣки въ глубокихъ предѣлахъ своихъ текущія, воду, воздухъ и землю жителями населенную, и наконецъ человѣка среди оныхъ возвышающагося, яко Царя ихъ и всея природы; о ты! который могъ воспламенить дýши Милтона (*) и Геснера,

(*) Милтонъ Агликской Стихотворецъ, творецъ ло-

снера, (*) священный пѣснопѣвецъ, воспѣвши спасенiе народа тобою свобожденнаго; буди вождемъ моимъ нынѣ; да сей божественный огнь тебя объемлющiй внидетъ въ разумъ мой и сердце; да сiя простота благородная, твоя вѣрная спутница, и въ тебѣ величества источникъ, въ пѣсняхъ моихъ не будетъ возмущенна! по чредѣ восприму свирѣль и трубу героичную. Послѣдуя тебѣ Авелевъ пѣвецъ! свободное слово мое возвышеннымъ стихотворства языкомъ вѣщати будетъ. О естьли бъ я возмогъ отвергнувъ тяжкое бремя, успѣти съ тобою равно, и прiяти степень со пѣснопѣвцами!

Iосифъ въ юности своей приведенъ былъ въ рабское состоянiе. Отторженный отъ своего отечества, отъ Iакова отца чадолюбивѣйшаго, отъ многаго числа ближнихъ своихъ и отъ возлюбленной Селимы въ тотъ самый часъ, когда бракъ готовъ былъ увѣнчать ихъ взаимную любовь, преселенъ онъ сталъ въ отдаленную страну. Какъ среди зеле-

(*) Геснеръ Нѣмецкой Стихотворецъ, написалъ въ прозѣ смерть Авелеву.

наго луга цвѣтъ другими цвѣтами окруженный возлагая на нихъ колеблющейся стебль свой пріемлетъ въ себя и пріятное ихъ благоуханіе, и ласки тихаго зефира, когда бурный вихрь внезапно исторгаетъ его отъ цвѣтовъ окрестъ его стоящихъ, отъ зефира и дерна, который прежде былъ его вмѣстилищемъ; тако Iосифъ отлученъ былъ отъ дому отца своего. Вседневно ищетъ онъ уединенія, и стадо свое на отдаленнѣйшее мѣсто Нилова брéга водитъ. Величественное теченіе сея прекрасныя рѣкѝ, полѧ̀ украшенныя древами, растѣніями и цвѣтами новаго рода, на коихъ паслись стада̀ всѣхъ прочихъ красотою превосходнѣйшія, огромные домы, сада̀, великолѣпный видъ Мемфиса, и пирамиды съ башнями сего гордаго града нераздѣльно стоящія; словомъ, всѣ сіи виды не привлекали къ себѣ вниманія Iосифова, и скóрби его не облегчали: они смятенно очамъ его представлялись, подобно легкимъ снамъ, кои не оставляя въ человѣкѣ никакого впечатлѣнія, летаютъ будто по душевной поверьхности. Между тѣмъ ни самыя жесточайшія бѣды не могли поколе-

колебати кроткаго души его свойства; не изъявлялъ онъ своего отчаянія, и въ самыхъ жалобахъ зналъ мѣру полагати. Лежащій на брегѣ почти бездыханенъ, и устремя взоръ свой на рѣку, коей единообразное теченіе питало паче лютую тоску его: „ великій Боже! возопилъ онъ, [и сей гласъ слышенъ первый изъ устъ его отъ начала его плѣненія], великій Боже! такъ долженъ я здѣсь и жизнь мою скончати . . . пріятная свобода! у меня ты похищенна . . . свершилось нынѣ все, никогда не узрю отца моего . . . не узрю его во вѣки . . . не буду болѣе утѣшати его старость . . . а ты, возлюбленная Селима! когда брачная сѣнь наша поставлена была, когда рука твоя меня цвѣтами увѣнчала . . .” Воздыханія прерываютъ гласъ его, и онъ погружается паки во мрачную тоску.

Потомъ возведя слезъ полныя очи на стадо свое: „а ты, рекъ онъ, стадо врученное мнѣ отцомъ моимъ, стадо мнѣ любезное, играющее окрестъ меня какъ бы въ веселіи моемъ участіе пріемля, когда воспѣвалъ я Творца всея природы, гдѣ ты нынѣ? Чья рука па-

сетъ тебя? Не ужè ли и ты стало жертвою моихъ братей?" Слова сіи вѣщалъ онъ слабымъ, скорбнымъ и прерывающимся гласомъ.

Нещастіе его умалило нѣсколько сіянія красоты его, но она тѣмъ была прелестнѣе. Бѣлые власы его распущены были по плечамъ пренебрежно: очи его подобны были небесной лазури; слéзы, коими они стали нынѣ омоченны, естественную ихъ пріятность умножали: печаль, отъ коей увядалъ румянецъ ланитъ его, привлекала всѣхъ обращать вниманіе на черты лица его: но онъ сохранилъ благородный, хотя непринужденный видъ свой, а нещастія его являли еще болѣе начертавшуюся въ немъ добродѣтель и невинность.

Бутофисъ, главный надъ всѣми Пентефріевыми рабами, рожденъ былъ въ жарчайшихъ степяхъ Еѳіопскихъ. Левъ дышущей тѣмъ жаромъ, коимъ солнце въ сихъ мѣстахъ пылаетъ, и рыкающій среди знойныхъ страны сея песковъ, не страшенъ толико странникамъ, колико неукротимый сей начальникъ рабамъ своимъ былъ страшенъ. Цвѣтъ кожи и власъ главы его подобны были темной

нощи;

нощи; гнѣвъ ярости блисталъ въ его очахъ, какъ молнія во мракѣ; ревущій гласъ его внушалъ злобу и угрозы. Все въ немъ даже до цвѣта его было новымъ Іосифу видомъ, и душу сего нещастнаго юноши страхомъ исполняло. Предавшись своей скорби, смятенныя стопы своя направлялъ онъ подъ дикіе удаленные камни, кои не устрашая духъ его, въ развалинахъ своихъ погребсти его грозили. Тамо настоящія свои бѣдствія сравниваетъ онъ съ прошедшимъ своимъ щастіемъ, воспоминаетъ то блаженное время, въ которое исполненный веселіемъ, и пріемля участіе въ тишинѣ всея природы, упреждалъ онъ пришествіе тѣней, и спѣшилъ гнати съ поля стадо свое, видѣти отца своего: узрѣвъ его ожидающа при входѣ сѣни своей устремлялся онъ къ нему; Іаковъ отверзалъ ему свои объятія, и страстная Селима восхищалася симъ зрѣлищемъ. Нынѣ, вмѣсто сего пріятнаго союза, и вмѣсто сихъ нѣжныхъ изъявленій сердечнаго чувства, обрѣтаетъ онъ начальника страшнаго, который единымъ своимъ видомъ ужасаетъ, и который грознымъ окомъ созерцаетъ

его стадо. Заключенные съ нимъ невольники были жестокіе и грубые люди; тщетно соболѣзнуя объ общемъ ихъ нещастіи, обращаетъ онъ на нихъ жалостное око, безчувственнымъ душамъ ихъ невнятенъ сей языкъ: все кажется на него стало вооруженно; вся природа плачевный токмо образъ ему представляетъ: прежде пѣніе его, гласы птицъ предупреждали, славити пришествіе дневнаго свѣтила; нынѣ зрѣлище сіе единое скорби чувствованіе въ сердцѣ его возбуждаетъ, и благоуханная вечерняя роса горести его усладити не можетъ. Когда предается онъ симъ печальнымъ размышленіямъ, тогда непримѣтно ему настаетъ нощная темнота. Ужè пастыри на единомъ полѣ съ нимъ пасущіе пригнали въ домъ стада свои. Нетерпящія овцы его, окрестъ его бродятъ, къ нему приближаются, и соединяя гласы свои, извлекаютъ наконецъ его изъ глубокаго унынія, ведомый ими во мракѣ, предстаетъ онъ своему свирѣпому начальнику, который симъ невольнымъ медленіемъ грозно его упрекаетъ.

Между тѣмъ раченіе его о должности своей, чистосердечіе на челѣ его начертан-

черпанное, и скорбь сокрытая и удерженная поражающая паче сердце человѣческое, начинаютъ преклоняти къ сожаленію о немъ Бутофиса: и скоро представился случай, въ коемъ сіе его чувствіе стало еще явнѣе.

Между всѣми рабами Итобалъ преклонилъ къ себѣ вниманіе Іосифово: онъ былъ съ нимъ единолѣтенъ, рожденный такожде въ вышшемъ состояніи, былъ онъ прежде воинъ, и въ битвѣ, гдѣ храбрость его была явленна, взятъ онъ въ плѣнъ и заключенъ въ неволю. Гордость благородныя души, пріобрѣтенная имъ въ сраженіяхъ за отечество, производила въ немъ ко бремени сему жесточайшую ненависть. Въ единый день за малую вину Бутофисъ хощетъ его въ темницу заключити: ужѐ мощныя рýки его обременяются оковами: трепещетъ онъ отъ уничиженія, и изъ очей его слéзы ярости ліются: множество рабовъ, несмысленнѣе того стáда, которое зритъ единаго изъ своихъ на закаланіе влекома, на зрѣлище сіе взирали равнодушно. Іосифъ, одолѣвая страхъ вселяемый въ него Бутофисомъ, повергается къ ногамъ его, и подъемлетъ

къ нему и ру́ки и лице свое омоченное слезами: никогда сожалѣніе не являлось подъ видомъ толь любезнымъ. Бутофисъ, прежде удивленный, не можетъ сопротивляться долго сему кроткому моленію: по маломъ колебаніи, ярость его стала укрощенна, и слёзы Іосифовы смягчаютъ его лютость. Всѣ рабы объемлемы стали удивленіемъ, а Итобалъ отъ оковъ освобожденный, обращаетъ къ своему избавителю благодарные взоры, и въ восхищеніи его объемлетъ.

Съ того часа не можетъ онъ жити съ нимъ въ разлученіи. Часто смущаяся печалію, въ коей младый невольникъ погруженъ быти казался, разрушалъ онъ его уединеніе, и видя текущія его слёзы, взиралъ на него съ нѣжнымъ сожалѣніемъ, и простиралъ къ нему слово свое. Гласъ дружества приноситъ нѣкую отраду душѣ нечувствующей ни единыя прелести природы: въ прежесточайшемъ своемъ бѣдствіи, Іосифъ тяжкосердъ не былъ, и не возмогъ отъ сообщества людей бѣжати на вѣки. Является онъ среди пастырей: прелестная гласа его сладость дикой слухъ ихъ удивляетъ и плѣняетъ: естественное

ное краснорѣчіе изъ добродѣтельнаго и чувствительнаго се́рдца его проистекаетъ, подобно чистому источнику, который съ пріятнымъ шумомъ внизъ збѣгая, легкимъ наклоненіемъ цвѣты зеленаго лу́га орошаетъ.

Во единый день, когда солнце, достигнувъ до средины лазуреваго свода, испускало пламенные лучи свои наисильнѣйшимъ образомъ, вся природа казалась отъ толикаго огня быти разрушенна; зефиры едва на неподвижныхъ листвіяхъ дышать ужѐ могли; древа̀ разширяли слабо свои вѣтвія, и птицы, имѣющія ихъ своимъ пріятнымъ жилищемъ, укрываясь подъ густѣйшія ихъ листвія, прекратили свистъ и пѣніе свое: слышанъ былъ единый шумъ потоковъ возмущенныхъ стадами утоляющими въ нихъ свою жажду. Невольники, ставъ въ сообществѣ съ Іосифомъ, чувствительнѣйшими, стенали отъ бѣдственнаго своего состоянія, и устремя очи свои на спокойныя стада̀, завидовали тайно ихъ судьбинѣ: Іосифъ погруженъ былъ въ глубокое уныніе. Итобалъ прервавъ наконецъ молчаніе: „что пользы намъ въ стенаніи?

наніи? рекЪ имЪ: мы сами творимЪ плѣнЪ нашЪ вѣчнымЪ. Или созданЪ человѣкЪ быти рабомЪ человѣку, и пресмыкатися у ногЪ сего бреннаго властолюбца! О други! свобода наша вЪ мышцахЪ нашихЪ: когда я за отечество сражался, то могу равно сразиться и за спасеніе наше отЪ рабскаго ига; помогите токмо бодрости духа моего. Или еще какая есть опасность васЪ останoвляющая? Или страшитесь вы неусыпности Бутофисовой? да будетЪ онЪ наша первая жертва; я первымЪ ударомЪ его хощу поразити, хощу имѣти славу свободити васЪ отЪ рабства."

СлухЪ внемлющихЪ ему рабовЪ плѣняется единымЪ именемЪ свободы; радуются они о храбрости Итобаловой, и ужè рýки ихЪ готовы были кЪ пролитію крóви, когда возсталЪ ІосифЪ: добродѣтель, хотящая усты его вѣщати, является вЪ очахЪ его. „Вы можете прибѣгнути кЪ убивству, рекЪ онЪ имЪ, и вы лучше возлюбили быти убійцами нежели рабами! ИтобалЪ! сердце твое могло ли сіе намѣреніе пріяти, а вы, могли ли внимати ему не ужасаясь? Увы! можетЪ быть, и паче

васЪ,

васъ, желаю я свободы: рожденные, большею частію въ рабствѣ, всѣ вы окружены здѣсь своими ближними, подающими сладкую въ нещастіи вашемъ отраду. А я предъ нѣсколькими днями токмо лишился той свободы, о коей сердце ваше страждетъ, и . . . судите о судьбѣ моей . . . Сіе зло есть легчайшее изъ тѣхъ, кои терзаютъ мою душу . . . . Но я жестокости рока моего повинуюсь. Великій Боже! естьли бы кровію покрытый, дерзнулъ я внити въ домъ отца моего, печалющіеся нынѣ о моемъ отдаленіи, не пріемля меня во свои объятія, отвергли бы меня со ужасомъ. Вамъ хотя едину тѣнь щастія вкушати здѣсь возможно. Добродѣтель дѣлаетъ честными рабскія оковы въ то самое время, когда подлый убійца скитаясь по землѣ, вездѣ рабомъ бываетъ, и окованный раскаяніемъ, терзается онъ судіи грознаго страшася. Природа можетъ утѣшительнымъ гласомъ своимъ ободрити духъ вашъ; сія тѣнь, сіи цвѣты могутъ скорби вашей чувствіе прервати. Бутофисъ укрощенъ быти можетъ, стрежа съ большимъ тщаніемъ врученныя вамъ стада, преклони-

клоните и вы къ себѣ его сердце. И почто намъ о нихъ не рачити? Чѣмъ сіи невинныя твари достойны стали быти жертвою нашего бѣдствія? Итобалъ! я возмогъ укротить строгость къ тебѣ Бутофисову: могу ли я отвлещи тебя отъ нападенія на жизнь его? Но естьли тщетны моя моленія, идите, оставьте нещастнаго, я пребуду одинъ въ семъ плачевномъ жилищѣ, или паче узрите меня стремящагося на помощь Бутофису, и я тяжкою необходимостію привлеченъ буду сражаться съ вами, со участниками моего бѣдствія!" Сіе ему вѣщающу, мало по малу укрощается ихъ лютость, и аврора благополучія ихъ взоры поражаетъ. Гордый Итобалъ, отвергая жестокую храбрость свою, потупляетъ очи, смягчается, упадаетъ къ ногамъ Іосифовымъ, и колѣна его объемлетъ. Тако Ангелъ, коего превѣчный поставилъ надъ водами, возвышаетъ гласъ свой среди бури, громы свой страшный трескъ вдругъ остановляютъ, облака на самый край горизонта утекаютъ, вихри въ пещеры свои низвергаются, и вóлны до небесъ восходящія и ревомъ своимъ небесные

круги

круги устрашающія, опадаютъ и текутъ на подобіе тихаго источника.

Дружество, которое сіи невольники имѣли ко Іосифу, влекло ихъ часто возмущати его уединеніе. Онъ для того искалъ отдаленнѣйшаго мѣста, гдѣ бы могъ свободно размышляти о друзьяхъ своихъ, отъ коихъ онъ чтилъ себя на вѣкъ отриновеннымъ. Входитъ онъ въ лѣсъ темный, во обитаніе нощи и тоски; остановляется тамо, и мѣсто сіе угодно стало его скорби. Два старыя пальмовыя древа согбенныя единое къ другому, и соединяющія сучья свои сплетенные другъ со другомъ, внезапу на себя его взоры обращаютъ; возрасли они въ семъ тѣсномъ союзѣ; вѣтвія ихъ разширяяся вокругъ, касалися землѣ, и какъ бы сами собою сѣнь составляли. „Увы! рекъ Іосифъ пораженный печальнымъ воспоминаніемъ: тако въ дому отца моего двѣ пальмы сплетенны, привлекшія меня воздвигнути брачную сѣнь мою; руки мои оную поставили; въ ней жизнь моя должна была тещи соединенна съ жизнію возлюбленной Селимы . . . Плачевное изображеніе, но могущее питать скорбь

моея

моея души . . . . хощу сихъ вѣтвей сплетеніе докончить. Когда уже должно мнѣ скончати здѣсь нещастную жизнь мою, то посвятимъ сѣнь сію дражайшему моему чувствованію: въ семъ мѣстѣ предамся я единъ моей печали: не буду здѣсь жити я съ Селимою, но она всегда въ мысляхъ моихъ присутствовати будетъ." Въ тотъ самый часъ исполняетъ онъ сіе предпріятіе. Соплетаетъ безъ труда гибкія вѣтви, кои ростя единая къ другой, преклонялись сами къ сему соединенію. Потомъ собираетъ онъ цвѣты, кои земля окрестъ сихъ древесъ производила изобильно, и ими сѣнь свою украшаетъ. Посреди своего дѣла, воспоминаетъ онъ блаженное то время, въ которое равное сему жилище созидая, посвящалъ онъ его не слезамъ своимъ, но щастію. Тогда онъ остановляется, воздыхаетъ, и слёзы очей его на цвѣты и вѣтвія ліются. По окончаніи сего дѣла устремляетъ на оное съ нѣжностію взоръ свой, и чаетъ видѣти брачную сѣнь свою. Она той была подобна совершенно: токмо здѣсь господствуетъ нераченіе, изъявляющее душевное страданіе.

Скоро

Скоро предався различнымЪ размышленіямЪ: „не ужѐ ли, вѣщаетЪ онЪ, не ужѐ ли оставлю я себя единому чувствію печали, и посвящая жилище сіе возлюбленнымЪ друзьямЪ, забуду ли я Бога отцевЪ моихЪ?" Тогда поставляетЪ онЪ близЪ сѣни своея олтарь подобной тому, которой воздвигнутЪ былЪ на мѣстѣ его рожденія: хотя сотворенЪ онЪ былЪ изЪ единыя землѝ, и покрытЪ дерномЪ смѣшеннымЪ сЪ цвѣтами, но не взирая на простоту его былЪ онЪ священнѣе и величественнѣе всѣхЪ гордыхЪ храмовЪ идоламЪ служащаго Египта.

ВЪ сіе убѣжище приходилЪ онЪ каждый вечерЪ до отшествія сЪ пóля врученнаго ему стáда. Тамо, изЪ глубины уединенныя сѣни, то возводитЪ онЪ печальный и алчущій взорЪ свой на мѣстà, гдѣ восходитЪ солнце, и гдѣ ближніе его слéзы проливаютЪ: то устремляя очи свои на НилЪ, сквозь древесЪ оттуда видимый: „рѣка! вѣщаетЪ онЪ, почто вóды твои не вЪ ту страну текутЪ, вЪ которой я родился! Я могЪ бы сЪ тобою послати хотя нѣкій знакЪ нещастнаго бытія моего. Я на древѣ начерталЪ бы: ІосифЪ рабомЪ

во

во Египтѣ; предалъ бы я сіе бренное древо теченію водъ благопріятныхъ: можетъ быть достигло бы оно до дому отца моего; можетъ быть Селима, сидящая на брегѣ, и плачущая о своемъ возлюбленномъ, остановила бы сіе древо, долженствующее возвѣстить имъ о бѣдствіяхъ моихъ: коликими бъ слезами она его оросила! Не умедлила бъ она своимъ ко мнѣ пришествіемъ раздѣлити мои нещастія со мною: можетъ быть, за нею послѣдовалъ бы и самъ Іаковъ. О коль тогда плѣнъ мой былъ бы мнѣ пріятенъ!" Таковы суть мысли, въ кои скорбь его погружаетъ. То вперивъ наконецъ мысль въ самаго себя, съ живостію воображенія чувствованіемъ воспаленнаго представляетъ онъ себѣ, черты лица почтеннаго старца, отъ коего онъ жизнь свою имѣетъ, черты лица Селимы и Веніамина, простираетъ къ нимъ слово свое; и какъ бы иногда видитъ ихъ и слышитъ. Но едва оставляетъ его вдругъ пріятное сіе мечтаніе, едва обрѣтаетъ онъ себя среди нощныя тѣни, и зритъ всю природу, вокругъ себя безгласну, ужѐ рыдаетъ неутѣшно, и скорбнымъ вопіетъ гласомъ.

сомЪ. ПотомЪ изходитЪ онЪ изЪ сѣни, и возложа на олтарь чело свое, орошаетЪ оной слезами, единымЪ приношенiемЪ, которое ему скорбь его возсылати дозволяетЪ. НаконецЪ подъемлетЪ онЪ на небо и очи и руки свои; уста его не могутЪ еще изобразити смятенiе его душевнаго чувствiя. По долгомЪ молчанiи восклицаетЪ: „Боже отцевЪ моихЪ! я всего ужѐ лишился, отца, невѣсты, братей . . . . Увы! имѣлЪ ли я братей и вЪ самомЪ дому отца моего? . . . Ты единЪ мнѣ остаешся, ты нынѣ мой отецЪ; сжалься надЪ оставленною моею юностiю . . . . Прешло время, когда окруженный моими ближними, приносилЪ я тебѣ пѣснь веселiя и слезы радости. Нынѣ, изгнанный рабЪ часто вмѣсто всего моленiя, единое горестное воздыханiе кЪ тебѣ возсылаю . . . Увы! не я единЪ нещастенЪ: не остави отца моего, не остави Селимы, кои равно какЪ и я обливаются слезами . . . Да возлюбятЪ братiя моя другЪ друга паче нежели меня они любили! да возмогутЪ они, ставЪ меня благополучнѣе, утѣшити старость Iакова, и разгнати скорбь,

 уязвляю-

уязвляющую ихъ!" Во время сего моленія, слёзы его не съ такимъ ужѐ стремленіемъ ліются; онъ ощущаетъ оживляющуюся душй своея бодрость, и въ пріятнѣйшую грусть погруженный отъ сихъ мѣстъ удаляется.

Египетъ оплакалъ ужѐ вола Аписа, (*) и день насталъ, въ который новый богъ долженъ былъ заступити его мѣсто; украшенный цвѣтами, ожидалъ его великолѣпнѣйшій храмъ Мемфійскій. На пути были хижины Пентефріевыхъ пастырей. Съ первыми лучами авроры приходитъ сей богъ на великолѣпной везомый колесницѣ. Красота его разительна: природа, точный во всемъ размѣръ наблюдая, бѣлую его кожу черными пятнами испещрила; роги его позлащенны, и обвѣшены цвѣтами; окруженный жрецами одѣянными въ ризы бѣлы, провождается онъ безчисленнымъ народомъ; испускаетъ страшный ревъ, коему внимало множество людей съ благоговѣніемъ и страхомъ, въ са́мое то время, когда приношеніемъ и воплемъ своимъ самого его они устрашаютъ: со

(*) Атисъ волъ, въ котораго, по мнѣнію Египтянъ, прешла душа Озирида.

со звукомъ священныхъ орудій, всѣ усты вѣщаютъ: се, се богъ Египта. При видѣ ономъ рабы Пентефріевы ницъ упадаютъ. Іосифъ объемлемый печалію и удивленіемъ уклоняется отъ сего торжества злочестиваго и въ свое убѣжище отходитъ. Приступивъ къ олтарю, который посвященъ отъ него былъ существу всевышнему: „Великій Боже! рекъ онъ, проливая слёзы, когда имя твое приписуется волу поля̀ пожирающему, воспріими тогда здѣсь должное тебѣ служеніе: мои единыя уста въ семъ жилищѣ тебя призываютъ, и я тебѣ всегда пребуду вѣренъ." Рекъ онъ, и начинаетъ размышляти между тѣмъ о просвѣщеніи узниковъ съ собою заключенныхъ.

Онъ требовалъ отъ нихъ почтенія къ своему убѣжищу. На другой день сего праздника, влекомый возмущенною горячностію Итобалъ слѣдовалъ за нимъ издалека. Желая туда внити, усматриваетъ онъ сквозь густыя листвія Іосифа близъ сѣни и слышитъ тяжкія его воздыханія. Когда сіе возмущаетъ духъ его, тогда Іосифъ произноситъ единую изъ молитвъ исходящихъ часто

1818 Октября 9го

изъ непорочнаго и нещастнаго его сердца: слова его пронзаютъ глубину души Итобаловой. Какъ исходящїй изъ ужасной степи человѣкъ, гдѣ зрѣлъ онъ едины камни льдомъ покровенные, и слышалъ единъ ревъ звѣрей лютыхъ, внезапу пренесенъ бываетъ въ страну веселую и блаженную; къ листвїямъ смѣшеннымъ съ цвѣтами, откуда, вѣянїемъ благорастворѣннаго воздуха, разносится гласъ плѣняющїй слухъ, тогда объемлетъ его удивленїе и радость: тако младый рабъ, устремя очи свои на сїе прекрасное жилище, возмутился моленїемъ Іосифовымъ. Неподвижимъ приводитъ онъ еще себѣ на мысль сїи нѣжныя выраженїя, когда другъ его удаляется и въ сѣнь свою отходитъ.

Во едино утро, когда свѣжею росою стада напоялись, отводитъ онъ отъ нихъ Іосифа, и оба они прїемлютъ мѣсто на верьху единаго холма. По нѣкоемъ молчанїи Итобалъ обращаетъ къ нему слово свое. „Надлежитъ мнѣ отверсти мое сердце предъ тобою, рекъ онъ: съ того времени какъ познаъ я прелести добродѣтели, все для меня перемѣни-

мѣнилось. Твореніе природы, на кое прежде взиралъ я равнодушно, раждаетъ во мнѣ нынѣ множество такихъ чювствованій, отъ коихъ я всегда съ прискорбностію отвлеченъ бываю. Откроюся ль мнѣ тебѣ въ моемъ дерзновеніи? Терзаемъ будучи печалію твоею, пошелъ я единожды за тобою въ твое уединеніе. Едва вступилъ я въ рощу, ужѐ стенанія твои стали терзати мое сердце, и скоро потóмъ произнесъ ты молитву, коей воспоминаніе по днесь въ умиленной душѣ моей пребываетъ. Возлюбленный Іосифъ! всѣ словà твои меня плѣняютъ; но ты въ сію минуту возмутилъ духъ мой паче прежняго; казалось мнѣ, что ты возобновляешь во мнѣ то живое дѣйствіе, которое производилъ во мнѣ прекрасный видъ творенія природы. Какое то чувствіе, вѣщай мнѣ? Какое то существо, на кое возвергалъ ты печаль свою, и которое воздыханія твои утишало постепенно?"

Сіе вѣщая взиралъ онъ тщательно и робко на Іосифа, который обративъ на него веселый взоръ свой, возопилъ: „блаженно дерзновеніе твое! возлюбленный мой другъ! естество вѣщало серд-

цу твоему: къ чему потребенъ тебѣ другій еще наставникъ? Воззри на сіе зрѣлище: не внемлешь ли ты со всѣхъ странъ священныя тебѣ поученія, и должно ль съ симъ языкомъ соединити гласъ свой смертному? Увы! сіи прежде прельщающіе меня виды, не приносятъ болѣе никакого душѣ моей удовольствія: но горе мнѣ было бы тогда, естьли бъ не зрѣлъ я въ нихъ начертанную величайшую и паче всего утѣшительную истинну!" Въ тоже время указуетъ онъ ему великолѣпное явленіе взору ихъ предлежащее. Пламенный кругъ солнца восходилъ съ величествомъ на горизонтъ, когда безчисленныя звѣзды, царствовавшія съ толикимъ сіяніемъ во время нощи, блѣднѣли постепенно, и готовыя угаснуть, казалися онѣ идущими вспять, и сокрывающимися въ неизмѣримомъ небесъ пространствѣ. Все естество, какъ бы отъ глубокаго сна возставало, казалось, что въ ту са́мую минуту одѣла поля̀ свѣжая зелень. Человѣкъ раздѣлялъ съ небесами невидимое приношеніе изходящее изъ земли̂ оживотворенной: быстрые лучи дневнаго свѣтила увѣнчевали

верьхи

верьхи горъ высокихъ, играли по росѣ блестящей на лугахъ, и проницая во ужасъ лѣсовъ темныхъ, въ сіе послѣднее убѣжище нощи, возбуждали тамо согласное пѣніе. Раздающейся по долинамъ ревъ пасомаго стада, умножалъ пріятность и прелести лѣснаго пѣнія.

Два младые невольника озирали въ молчаніи сіи прельщающіе виды. Іосифъ отвращалъ иногда отъ нихъ очи свои, и обращая на своего друга, наслаждался тѣми чувствованіями, въ кои онъ погруженнымъ быти казался. Когда Итобалъ разсматривалъ величественное теченіе большаго свѣтила, тогда мысль о Богѣ, какъ солнце въ сей вселенной изходитъ предъ очами его изъ глубокія нощи. „Конечно, возопилъ онъ съ восхищеніемъ, и не отвращая взора своего отъ зрѣлища природы, конечно новый свѣтъ меня просвѣщаетъ... Сильнѣйшій гласъ вѣщаетъ яснѣе сердцу моему ... Есть существо сотворившее солнце сіе, опредѣлившее теченіе сихъ звѣздъ, излившее на землю всѣ ея сокровища и поставившее на ней самого меня ... Сей Богъ призываемый моимъ другомъ ... Вся природа кажется въ

сію минуту его славити; а я еще медлю воздати первое мое ему приношеніе!" Въ то время онъ простирается на землю. Іосифъ стремится въ его объятія. „Другъ возлюбленный! возопилъ онъ, отъ нача́ла моего плѣненія, се первыя мои слёзы радости. Рабъ себѣ подобнымъ, ты былъ еще рабомъ животныхъ тобою обожаемыхъ: нынѣ гнусное отвергнувъ бремя, ты сталъ паче добродѣтельнаго дружества достоинъ."

Тогда взялъ онъ его за́-руку, и повелъ въ свое уединеніе. Тамо показавъ ему сѣнь свою: „здѣсь, вѣщаетъ онъ, мое дражайшее жилище въ семъ бѣдномъ пребываніи; се олтарь посвященный мною Богу познанному тобою нынѣ. Первый человѣкъ, изшедшей изъ рукъ Создателя, воздвигнулъ ему олтарь сему подобный, и тамо, именемъ всея природы, возсылалъ онъ къ нему простыя и священныя молитвы; иногда слышенъ ему былъ и самый гласъ превѣчнаго: сіе служеніе единыя съ міромъ древности, и коему толико стояти подобало, колико камни и го́ры на землй стояти будутъ, скоро разрушенно стало злодѣяніями умножившимися съ родомъ

домъ человѣческимъ. Прародитель мой возобновилъ оное, и я, послѣдуя стопамъ отцевъ моихъ, обожаю въ сихъ мѣстахъ Господа міра." Рекъ онъ, и восхищенный благоговѣніемъ Итобалъ, предъ олтаремъ простирается, и тамо обновляетъ моленія свои существу всевышнему.

Они оставляютъ сіе жилище, и держа единъ другаго за-руку, послѣдуютъ въ молчаніи мыслей своихъ стремленію. Когда Іосифъ, какъ бы удивленный веселіемъ сердца своего, отдаетъ скорби своей прежнее надъ собою владычество, тогда другъ его предается множеству новыхъ чувствованій. Добродѣтель ему кажется драгоцѣннѣе, рабство не толь тягостно, дружество любезнѣе, и самое зрѣлище природы величественнѣе. Какъ странникъ, влекомый разносящеюся славою, желаетъ видѣти царя достойнаго той славы, и коего благодѣянія, подобно плодоносной рѣкѣ, текутъ съ высоты его престола во все пространство его владѣнія; какъ странникъ сей приходя къ предѣламъ блаженной той страны остановляется, и ощущаетъ нѣкое въ себѣ почтеніе къ

народу

народу и царству таковымъ Государемъ управляемому: тако младый пастырь видитъ природу украшенную сіяніемъ Божества сотворшаго ея.

Скоро свѣтъ сей въ сердца всѣхъ узниковъ распространяется; они ко гласу природы преклонны стали. Тогда лютость ихъ нравовъ умягчается; другъ предъ другомъ усердствуютъ они къ исполненію должностей своихъ, и Бутофисъ день отъ дня являетъ менѣе свирѣпства. Іосифъ вкушаетъ нѣкое утѣшеніе, когда въ торжественные дни всѣ пастыри послѣдуютъ за нимъ въ его уединеніе, и окружа поставленный руками его олтарь, призываютъ они единогласно Бога всея вселенныя. Въ самое то время, какъ весь Египетъ погруженъ былъ въ суевѣріе, и гордые его вельможи падали ницъ предъ гнусными животными, тогда рабы, въ семъ забвенномъ жилищѣ, возносили къ небесамъ свои моленія человѣка достойныя. Ангелы, разносящіе по землѣ веленія Господни, остановлялися въ сей рощѣ, и удивленные неизвѣстнымъ языкомъ въ сей служащей идоламъ странѣ, отвращали они взоръ свой отъ градовъ

и

и храмовъ языческихъ, и устремляли оной на олтарь, окруженной непорочными рабами.

Блаженство и добродѣтель призываютъ въ сіе жилище согласіе пѣсней: рожденное въ пастырскихъ хижинахъ, явилось паки оно въ нихъ въ прелестной простотѣ своей. Сперва пастыри птицъ пѣнію подражаютъ: скоро возвышеннѣйшіе составляя гласы, своихъ учителей сами научаютъ. Сооружая сельскія себѣ лиры, соглашаютъ оныя съ пѣніемъ своимъ. Таковое согласіе возбуждаетъ чувствительность сердецъ, и раждаетъ непорочную и нѣжную любовь. Цвѣты увядавшіе прежде на лугахъ, украшаютъ нынѣ пастуховъ и пастушекъ.

Одинъ Іосифъ не беретъ лиры, не украшается цвѣтами, и ни одной пастушкѣ любви не предлагаетъ. Онъ радуется о блаженствѣ ихъ самъ не пользуяся онымъ. Многажды, во время сладкаго и невиннаго ихъ веселія, воспоминаетъ онъ тѣ щастливые дни, въ кои наслаждаясь подобнымъ блаженствомъ, собиралъ онъ свѣжіе цвѣты для возлюбленной Селимы, или гласомъ своимъ прельщалъ ея сердце. Тогда и нехотящу ему

въ

въ очахъ его является тоска. Едва пастыри примѣчаютъ оную, ужѐ радостныя ихъ пѣсни прерываются, и соглашаяся съ состоянiемъ души его, гласы ихъ единую печаль изображаютъ. Юсифъ съ удовольствiемъ преклонялъ слухъ свой къ сему плачевному пѣнiю, забывалъ принужденiе, и давалъ волю тещи своимъ слезамъ: но вышедъ вдругъ изъ прiятной сей задумчивости, и видя рýки свои слезами своими омоченныя, упрекаетъ онъ себя возмущенiемъ веселiя прочихъ пастырей, востаетъ и ищетъ уединенiя.

Между тѣмъ Далука, жена Пентефрiева, шествуетъ мимо его убѣжища изъ Мемфиса на великолѣпной колесницѣ. Египетъ, толь славный прелестiю женъ своихъ, не имѣлъ ни единыя красоты ей подобныя. Она была въ тѣхъ годахъ, въ кои природа, пекущаяся привести въ совершенство наилучшее свое творенiе, не можетъ ничѣмъ ужѐ тѣ прелести умножить, кои она съ нарочною медленностiю производитъ. Цвѣты, кои являетъ въ себѣ Ириса (*) сотворенная изъ солнечныхъ сокровищъ, не

(*) Посланница Юноны.

не толь прекрасно оттѣненны, ниже толикую въ себѣ имѣютъ живость, коковы бѣлизна и румянецъ лица ея. Черные власы распущенны съ искусствомъ по бѣлой ея груди, подобны тѣнямъ возвышающимъ сіяніе свѣтлыя картины. Пріятности и величество, толь рѣдко совмѣстныя, соединялись въ лицѣ ея и станѣ. Два сильные тирана, славолюбіе и корысть, содѣлали тогда узы ея брака. Съ чувствительнѣйшимъ сердцемъ, среди двора блистающаго, отъ всѣхъ обожаемая, никогда она любви не ощущала; колико гордость ея, толико и должность привлекали отвергать нѣжность любовниковъ, и въ самое то время уклонялася она отъ ихъ ревностнаго старанія, пріобрѣсти ея любовь, и отъ тѣхъ торжествъ многолюдныхъ, гдѣ празднуется союзъ, которой она неволей заключила.

Не далеко отъ Мемфиса, посреди миртовыя рощи, гдѣ цвѣты и зелень никогда не увядали, и гдѣ все дышало роскошью, былъ храмъ Венерѣ посвященный, (*) повѣствуютъ, что изъ всѣхъ боговъ, укрывшихся во Египтѣ отъ гнѣва

(*) Смотри примѣчаніе при концѣ третія пѣсни.

гнѣва Титановъ (*). Сія Богиня пріяла здѣсь первое приношеніе; народы красотою ея пораженные, воздвигли въ честь ея храмъ сей, и поставили образъ ея предъ олтаремъ, на коемъ курится непрестанная жертва. На стѣнахъ изображены всѣ торжества сея богини, смертные, герои, боги и вся природа подвластная ея владычеству; стыдъ изгнанъ отъ сихъ изображеній; красота непокровенна являлася тамо, а изнутри храма исходилъ нѣжный гласъ изъявляющій воздыханія и восхищенія любовниковъ. Далука, прежде брачнаго союза, приведена была въ сіе мѣсто, тайнымъ се́рдца своего смущеніемъ. Приступя ко олтарю, устремила она взоръ свой на о́бразъ Венеры, и когда весь храмъ исполненъ былъ куреніемъ жертвы приносимыя трепещущею ея рукою, тогда она сіи слова̀ вѣщала: „ о ты, которую всѣ смертные обожаютъ, и которая едина велитъ имъ познавати щастіе прямое, разгони міракъ объемлющій жизнь мою; непрестанно страждущее сердце мое воздыхаетъ; можетъ быть оно любити хощетъ. Богиня! подай

(*) Титаны, внучаты небесъ пораженные Юпитеромъ.

подай мнѣ во бракѣ моемъ обрѣсти любовь съ долгомъ моимъ согласную, да съ меньшимъ отвращеніемъ заключу я брачныя узы."

Когда непорочное сердце ея приноситъ о бракѣ моленіе Венерѣ, тогда сладострастный духъ, подъ образомъ младенца, летаетъ окрестъ богини, держа въ единой рукѣ образъ юноши, какъ бы самими начертанный Граціями; крылатый Купидонъ снисходитъ на олтарь, и образъ сей Далукѣ представляетъ. Она отвращаетъ взоръ свой отъ богини, и устремляетъ оный на сіе прелестное изображеніе; вдругъ неизвѣстный огнь возгорается въ сердцѣ ея, и по всѣмъ членамъ ея распространяется. Какъ баснію представленный Нарциссъ въ водѣ себя узрѣвъ, желаетъ съ симъ преходящимъ изображеніемъ соединитися: такъ Далука образъ сей очами пожираетъ. Въ то самое время любовь впечатлѣваетъ оный въ сердцѣ ея неистребимыми чертами. Съ того часа божество сіе казалось ей приносити непрестанно предъ нея сіи черты, и когда принужденныя должностію уста ея клялися любити супруга, тогда всѣ ея

клятвы къ сему единому образу стремились.

Достигая до жилища Пентефрiевыхъ рабовъ, чудится она внимая прелестному нѣкоему гласу: приближается къ оному, и видитъ издали пастуховъ и пастушекъ цвѣтами украшенныхъ, и соединяющихъ съ лирою пѣсни свои. „Не ужѐ ли, вѣщаетъ она, не ужѐ ли зрю я тѣхъ невольниковъ, которыхъ жестокостiю пораженъ былъ слухъ мой, и которыхъ судьбину облегчити я хотѣла? Увы! они стократно блаженнѣе меня; сердца̀ свои предаютъ они единымъ склонностямъ природы, и ставъ одинъ другимъ благополучны, въ любви своей себя они не принуждаютъ!" Сiе вѣщая на нихъ она взираетъ, проливаетъ слёзы, и скоро потóмъ воздыхая удаляется оттуда.

Предъ очами своими видитъ она темную и уединенную рощу: надѣясь тамо обрѣсти болѣе спокойства, стопы своя она туда направляетъ. Предавшись стремленiю своихъ мыслей, вступаетъ она въ средину тоя рощи, какъ вдругъ представляется взору ея сѣнь украшенная благоуханными цвѣтами:

ми:

ми: при входѣ въ оную сидѣлъ юноша красоты пречудныя; сей былъ Іосифъ, бѣлые власы его касалися до самаго дерна; онъ стеналъ, и очи свои устремилъ горестно на небо: вокругъ его бродило стадо. Узрѣвъ его Далука пораженна стала сильнѣйшимъ удивленіемъ; она видитъ въ семъ юношѣ всѣ черты представленнаго ей образа въ Венериномъ храмѣ. Внезапное смущеніе колеблетъ ея чувства; трепещетъ ея сердце; весь огнь изліянный въ ея жилы любви богомъ возобновляется, и пламень сей ея объемлетъ. Пребывъ неподвижна, взираетъ она долго на Іосифа; чѣмъ болѣе зритъ его, тѣмъ паче смущается; воспламененное око ея не можетъ отъ него удалиться, и она ощущаетъ себя какъ бы окованну въ семъ жилищѣ.

Въ сей вечеръ, Іосифъ, не хотя торжествовать съ прочими прибытія жены Пентефріевой, остался въ своемъ уединеніи: тщетно друзья его привлекали его отерти слёзы своя, и гласъ свой соединити съ ихъ пѣніемъ; не могли они разгнать его печали. У ногъ его лежала лира принесенная въ сѣнь сію Итобаломъ. Іосифъ устремляетъ на нея

очи свои, и пріемлетъ ея въ руки. Скоро воспѣлъ онъ сіи плачевныя слова провождая оныя гласомъ лиры.

„Желаютъ видѣти меня цвѣтами „увѣнчанна, веселую пѣснь воспѣвающа, „и пріятно играюща на лирѣ! . . . Увы! „сей радостный гласъ для нещастнаго „ли созданъ? . . . Эхо! окружающее мѣсто „моего рожденія, ты прежде оному вни„мало, ты прежде оное любило повторя„ти . . . . На сихъ брегахъ отдаленныхъ, „что мнѣ воспѣти должно? Прославлю ль „я пріятности любви и сыновнюю горяч„ность? Дражайшія и священныя имена! „вы токмо скорбь мою обновляете! . . . „Восхвалить ли мнѣ прелести природы, „сію рощу, сіи цвѣты, сіи источники, „лишенные для меня всѣхъ своихъ пріят„ностей, и невидящіе болѣе моего благо„получія? . . . А ты, о вышнее Существо, „владѣющее міромъ, коему иногда дер„залъ я посвящати гласъ молитвенный, „могу ли я въ нещастіи моемъ воспѣть „тебѣ пѣснь достойную? . . . Лира! „нынѣ ты безгласна пребудешь, или „единыя токмо изобразишь стѣнанія . . . „Сей гласъ до гроба моего не премѣнит„ся . . . Теките слёзы мои, помогай-

„те, естьли можно, терзаемому серд-
„цу . . . Почто не могу я въ сей часъ
„последнюю принести жалобу, послед-
„нія пролити слёзы! . . .

Хощетъ продолжати играніе, но струны слезами омоченныя не отдаютъ более звону; ослабелъ гласъ его, и рука подражающая непрерывно теченію его чувствія, не ходитъ более по лире. Симъ пріятнымъ и пленяющимъ гласомъ, сею песнію всю скорбь души его изъявляющею, сими стенаніями и симъ молчаніемъ еще паче выражающимъ, возмущенная Далука не можетъ удержати слезъ своихъ: птицы стали неподвижны, и стада, окрестъ сени бродившія, остановляются, и кажутся быти пораженными. Подобно какъ въ лесу нещастной соловей, видя свою возлюбленную мертву, долгое время стенаетъ втайне, и плачевнейшій гласъ его не довольно печаль его изобразити можетъ: но когда прерываетъ онъ наконецъ свое молчаніе, тогда первая песнь его бываетъ толь плачевна, что возмущенныя темъ птицы прерываютъ свои гласы, и естьли между ими нещастная любовница смятенный полетъ

свой въ лѣсъ направляетъ, то сама она престаетъ произносить жалобную пѣснь свою, и оставляетъ ему изображати собственную скорбь свою.

Далука продолжала взирати на Іосифа; она готова была приступити къ нему, и вопросити о причинѣ слезъ его: но нѣкое тайное смущеніе ея удерживаетъ, и доколѣ она пребываетъ нерѣшима, онъ удаляется. Прибывъ въ уединенное свое жилище чаетъ она еще его видѣти, чаетъ пѣніе его слышати: нощь не можетъ разгнати сіи мечтанія, и естьли сонъ затворяетъ на единую минуту ея очи, прелестное видѣніе паки оныя ей возвращаетъ.

Наутро вопрошаетъ она, кто сей юный пастырь удаляющейся въ средину лѣса проливати слёзы? Отвѣтствуютъ ей, что онъ рабъ Пентефрія; хвалятъ ей красоту его, пріятность и добродѣтели; повѣствуютъ ей о томъ, что могъ онъ преклонить къ себѣ живущихъ съ нимъ лютѣйшихъ невольниковъ, и самаго неутолимаго Бутофиса, что съ нимъ блаженство вселилось между пастырей, но что разпространяя оное окрестъ себя, одинъ онъ имъ не наслаждаетъ-

ждается, и въ мрачную тоску себя повергаетъ, что ни одна пастушка не могла плѣнити его сердца, и что самые возлюбленые ему други не могли изъ него извлещи его таинства.

Далука съ удовольствіемъ внемлетъ хваламъ приписуемымъ Іосифу; но едва слышитъ она о тоскѣ сего нещастнаго, ужѐ очи ея мракомъ покрываются. Она сама себя о причинѣ смущенія сего вопрошаетъ, и увѣряетъ себя, что оное есть единое сожалѣніе. „Печаль, вѣщаетъ она, изображенная на челѣ Іосифа, не выходитъ изъ мысли моея: кто бы не смутился оною! толь младъ, и толь нещастенъ! онъ умретъ жертвою своего молчанія .... Безъ сомнѣнія онъ рода знатнаго; въ естественной простотѣ его видно благородство; сами боги въ рабское состояніе приводимы бывали .... Единъ онъ изъ всѣхъ пастырей любви не ощущаетъ! ... Хощу зрѣти предъ собою отверсто его сердце; хощу простерти къ нему благодѣтельную руку."

Рекла, и прежде нежель солнце путь свой окончало, изходитъ она одна изъ своихъ чертоговъ, и стопы ея

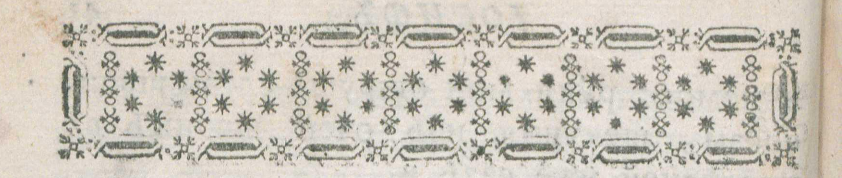
какъ бы сами собою неслися прямо къ рощѣ. Іосифъ сѣдящій въ уединенной своей сѣни, воздавалъ скорби своей обыкновенную дань слезами, какъ вдругъ Дулука при входѣ сѣни предстала. Удивленный востаетъ онъ, сокрываетъ воздыханія свои, и хощетъ отерти слёзы свои. „Нещастный юноша, не смущайся, вѣщаетъ она колеблющимся гласомъ; Пентефріева супруга прекратитъ твои бѣдствія. Что принуждаетъ тебя искати уединенія, уклонитися отъ пріятной любви, и отъ невинныхъ забавъ приличныхъ твоимъ лѣтамъ? Не устрашаешся ли ты ввѣрити мнѣ свое таинство? Я сама нещастіе познала, и естьли бъ я возведена была на самый верьхъ благополучія, сердце мое и тогда бъ къ страданію твоему безчувственно не было. Слёзы твои преклонили меня на жалость: лице твое являетъ мнѣ, что родъ твой далеко отъ сего нискаго состоянія: который варваръ возмогъ ввергнути тебя въ порабощеніе? Вѣщай; не состояніе ли твое, толь много тебя недостойное, терзаетъ твою душу? Съ сего часа ты воленъ: свобода твоя есть самое меньшее благо тебѣ уготовляемое:

вляемое: руки мои отрутъ слёзы твои, слёзы, текущія изъ очей твоихъ въ послѣдней ужѐ разъ."

Сими словами, восхищенный Іосифъ, уступаетъ надеждѣ видѣти конецъ своему бѣдствію, и предпріемлетъ открыти тѣ злодѣянія, которыя хотѣлъ онъ предати вѣчному молчанію.

Солнце являлося пламенно позади сѣни сквозь густыхъ листвій, когда противу положенная ему луна начертывала сребреный кругъ свой въ небесахъ и на колеблющихся Ниловыхъ водахъ. Постепенно пѣніе птицъ утихало, и листвія древесъ тише помавали: еще слышенъ былъ ревъ довольнаго стада, удаляющагося съ паства своего: но скоро все умолкло, и тишина стала всеобщая. Далука сѣдящая съ Іосифомъ при входѣ сѣни, устремляетъ взоръ на сего юнаго раба, и преклоняетъ къ нему слухъ свой; вся природа кажется въ молчаніи внимати ему вѣщающему тако:

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

* * *

Я рожденъ не въ рабскомъ состоянiи. Iаковъ отецъ мой есть изобилующiй паче прочихъ пастырь страны Хананской, состоянiе здѣсь конечно презрѣнное, ибо оное рабамъ оставляется, но въ лонѣ добродѣтели и свободы всегдашнихъ своихъ спутницъ бываетъ оно блаженно и почтенно. Когда народы погружены были въ идолопоклонство, тогда праотецъ мой наставляемъ былъ гласомъ самого Бога: хотя былъ онъ простый токмо пастырь, но подобная древу покрывающему многiе

роды

роды своею тѣнію, святая добродѣтель его должна служить примѣромъ будущимъ вѣкамъ. Сынъ его былъ сея добродѣтели наслѣдникъ, и предадъ оную отцу моему. Увы! должна ли она угаснуть съ нимъ въ томъ домѣ, который зрѣлъ ея раждающуюся!

Первые мои годы были соборищемъ дней благополучныхъ. Я долго ожидаемый былъ, плодъ пріятнаго союза. Отецъ мой, достигая до старости, чтилъ меня драгоцѣннымъ залогомъ нѣжнѣйшія любви, а братія моя, не смущаясь о томъ подозрѣніемъ, изъявляли мнѣ другъ предъ другомъ усердіе свое. Иногда ходилъ я за ними въ поле, гдѣ малое стадо овецъ они мнѣ поручали: Я игралъ съ ними: младенческая рука моя украшала ихъ цвѣтами, или гладила мягкое ихъ руно. Прости мнѣ повѣствованіе толь маловажныхъ обстоятельствъ, кои напоминаютъ мнѣ дни моего щастія.

Они изчезли подобно веснѣ сокрывающейся со всѣми прелестьми своими; цвѣты одинъ за другимъ раждающіеся, пѣсни завсегда въ рощахъ перемѣняемыя, благорастворенный воздухъ подъ

чи-

чистымъ и свѣтлымъ небомъ, и пріятное радованіе сердца цвѣтущаго съ оживленными цвѣтами, словомъ: все сіе похищается быстрымъ часовъ теченіемъ до тѣхъ поръ, когда человѣкъ до послѣдняго изъ сихъ дней стѣная достигаетъ: тако мое разрушилось блаженство. Увы! кто бы могъ помыслить что оно непрочно? Слабый виноградъ единую токмо лозу обвиваетъ, а я могъ десять братій имѣть въ объятіяхъ моихъ! колико помощниковъ юности моей! Любити другъ друга, казалось мнѣ и легко и пріятно, и дружество мое къ нимъ возрастало съ моими лѣтами.

И можно ль было чаять?... Они... братія моя приключили всѣ мои нещастія: уста моя хотятъ умолкнути, и я желалъ бы преступленія ихъ сокрыти отъ тебя: но они весьма съ повѣстію нещастной моей жизни сопряженны.

Главный источникъ моего щастія сталъ началомъ всего моего бѣдствія: горячность Іаковля ко мнѣ возбудила зависть въ моихъ братіяхъ. Правда, что любовь его ко мнѣ казалась сильняе,

нѧе, можетъ быть отъ того, что зрѣлъ онъ во мнѣ отрасль своея дражайшія супруги, и пріятный плодъ своея старости; иль можетъ быть подобенъ древу поспѣшающему произрасти новую вѣтвь свою, когда произращеніе старыхъ вѣтвей еще непримѣтно. Отецъ мой особливо старался открыти раждающейся во мнѣ разумъ: можетъ статься, мнилъ онъ видѣти мою къ себѣ любовь паче всѣхъ моихъ братій.

О коль жестокою пораженъ былъ я скорбію, когда престали они таить свою ко мнѣ злобу! Желая сокрыть слёзы мои отъ Іакова, ходилъ я одинъ плакати въ рощу, бывшую прежде свидѣтельницею однихъ моихъ забавъ: не вѣдалъ я еще сего болезненнаго чувствія входъ радости въ сердце затворяющаго: назначенный судьбою проливать слезъ рѣки, удивленъ я былъ первыми слезами печалію извлеченными: вопрошалъ я самъ себя, истинно ли то, что братія моя болѣе меня ужѐ не любятъ. „О отче мой! возопилъ я, когда горячность твоя ко мнѣ произвела такую злобу, то должно ль мнѣ хотѣть лишитися ея!"

Между

Между тѣмъ Іаковъ вввѣрилъ мнѣ пасти стадо свое. Сей день праздновань былъ по обычаю. Отецъ мой возложилъ на главу мою вѣнецъ отъ цвѣтовъ, и далъ въ руку мою посохъ, знакъ пастырскаго владычества. Въ то время обнялъ онъ меня, и проливая радостныя слёзы: „благословлю тя, небо! возопилъ онъ, продолжившее жизнь мою до сего дня. Іосифъ! ты болѣе не младенецъ: ужѐ добродѣтели, посѣянныя мною въ сердцѣ твоемъ, должны произвести прочные плоды. Ты не сотворишь себя недостойнымъ моего раченія, и, можетъ быть, небо подастъ мнѣ утѣшеніе видѣти дражайшія сѣмена сіи дающими плодъ, се единая награда, которой я желаю!" Таково было его моленіе.

Увѣнчанну сущу рукою отца моего, предшествующу моему стаду, и ближними моими мнѣ препровождаему, шелъ я при гласѣ лиръ и свирѣлей въ пространную долину. Весь день сей посвященъ былъ веселію: сами братія моя казалися непомнящими неправедныя злобы своея, и я ласкалъ себя видѣти возвратившіеся дни щастливаго моего младенчества.

Пре-

Пребывая съ моими братіями зрѣлъ я нераченіе ихъ о своихъ стадахъ, видѣлъ я непрестанно злочестивые ихъ праздники, въ коихъ не чтили они ни Бога отцевъ своихъ, ни самихъ отцевъ своихъ, ни собственнаго своего родителя. Коликими ранами сердце мое было уязвленно! То пася стада ихъ равно какъ мое, старался я исправити ихъ нераченіе. То въ пѣсняхъ моихъ прославлялъ я Творца природы, добродѣтели предковъ моихъ, пріятности сыновнія любви и братскаго дружества: казалось мнѣ, что желаніе мое подвигнути сердца ихъ извлекало изъ моего сердца жалостнѣйшій гласъ, и слова паче всѣхъ увѣряющія. То наконецъ со слезами просилъ я ихъ не оскорбляти почтеннѣйшаго старца. Но они и стараніе мое и пѣсни и моленія со гнѣвомъ отвергали. „Иди отъ насъ, вѣщали они мнѣ, хвали Іакову свое тщаніе; воспой ему ту пріятную пѣснь, которою плѣнилъ ты его сердце, и пусть слёзы твои его рукою отираемыя, скажутъ ему о дѣлахъ нашихъ." Я отходилъ отъ нихъ, и вмѣсто того, чтобъ слёзы мои явити отцу моему, осу-

осушалъ я ихъ вѣяніемъ зефира, который не уносилъ съ собою печали духъ мой возмущающей.

Въ сіе время мать моя разрѣшилась отъ утробы вторымъ сыномъ, приключеніе паче горести нежель радости исполненное, и коего воспоминаніе, въ самомъ нещастіи моемъ, велитъ мнѣ еще проливати слёзы. Я чаю еще видѣти сію нѣжную матерь держащую въ слабыхъ рукахъ своихъ дражайшаго младенца. „Забываю скорбь мою, вѣщаетъ она Іакову, возлюбленный супругъ! ты меня не совсѣмъ еще лишаешся, я втораго Іосифа даю тебѣ, се черты лица его....“ Потомъ обративъ ко мнѣ умирающее око: „А ты, дражайшій сынъ, рекла мнѣ, тебѣ даю я брата... любите другъ друга....“ По сихъ словахъ воззрѣла на меня съ горячностію, и затворила очи свои на вѣки. Возможно ли изобразить скорбь Іакова, и скорбь души моея? Оба мы орошали слезами оледеневшее тѣло моей матери, и рожденнаго младенца. Между тѣмъ видѣлъ я съ удовольствіемъ возрастающаго Веніамина, (сіе было имя его). Я благословлялъ небо о братѣ

моемъ,

моемъ, съ коимъ могъ я вкуситъ прiятность взаимнаго дружества.

Вѣщать ли мнѣ о случаѣ не весьма вниманiя достойномъ, [и возможно ли увы! чтобъ таковой сонъ посланъ былъ съ небесъ?] Видѣлъ я среди подобной сей величественной нощи, видѣлъ я солнце, луну и единонадесять звѣздъ отторгающихся отъ небеснаго свода, поклонитися мнѣ. Братiя мои чаяли предвидѣть въ семъ сновидѣнiи предсказанiе своего будущаго униженiя, и моего величества: тщетное мечтанiе! о звѣзды! вы сами свидѣтельницы нынѣ безславiю моея судьбины.

Изо всѣхъ братiй моихъ Симеонъ и Рувимъ паче всѣхъ были ко мнѣ злобны: я медлилъ описати ихъ тебѣ, и естьли бъ могъ я сокрыти дѣла ихъ, не сталъ бы я и о свойствѣ ихъ вѣщати. О коль много жалѣю я Симеона! сколь ни люты мнѣ мои нещастiя, но съ его страданiемъ равнятися не могутъ. Первые мои годы текли хотя въ весельѣ; но онъ съ самаго рожденiя своего, кромѣ горести другаго чувствiя не знаетъ: удаленный отъ дражайшихъ друзей моихъ, размышляю я о взаимной на-

шей горячности, и въ безднѣ золъ моихъ вкушаю я еще пріятности любви; но дружество никогда смягчити не могло Симеона: никогда очи его не проливали тѣхъ радостныхъ слезъ, кои сердце предпочитаетъ смѣхамъ. Всегда мраченъ, всегда скорбенъ, ищетъ онъ уединенія: черные власы его умножаютъ природную его блѣдность; въ юности видны на челѣ его морщины; никогда не воспѣвалъ; никогда не бралъ онъ въ руки свои лиру; взиралъ на цвѣты и на восходъ Авроры безъ сердечнаго веселія. Хотя онъ и не старшій былъ изъ моихъ братій, но толикую имѣлъ въ нихъ силу, что всѣ они чли его своимъ начальникомъ. Рувимъ старшій изъ всѣхъ ненавидѣлъ меня съ большею хитростію.

Прости слезамъ моимъ, коихъ я здержати не могу: я достигаю еще до единаго случая, коимъ я на вѣкъ долженъ былъ статъ благополучнымъ.

Въ тотъ самый день, когда торжествованъ былъ описанный мною праздникъ, въ тотъ самый часъ когда отецъ мой увѣнчалъ меня цвѣтами, пришла въ домъ нашъ младая пастушка, именемъ

немъ Селима; лице ея было покровенно, но станъ ея и хожденіе привлекли на нея всѣхъ взоры. Она приступила ко Іакову. „ Почтенный старецъ! вѣщала она, неволею смущаю я твое веселіе, ты видишь предъ собою нещастную сироту, произшедшую отъ колѣна Нахорова брата Авраамля. Въ пеленахъ сущи лишилась я своего родителя: нынѣ затворила я очи матери моей. Не столько ея велѣніе, сколько слухъ о добродѣтели твоей привлекаетъ меня въ сіи мѣста̀: дерзаю я просити тебя, буди помощникомъ юности моей. Отрешь ли ты слéзы мои, и соглашаясь облегчить печаль мою, позволишь ли ты мнѣ отцомъ моимъ тебя называти?"

Отъ произношенія гласа ея вострепетало мое сердце; алчущій взоръ мой хотѣлъ проникнути покрывало ея, видѣти уста толь нѣжно намъ вѣщающія. Но въ какое пришелъ я изумленіе, когда слыша Іаковле согласіе, открыла она лице свое! цвѣтъ, который слезами Авроры орошенъ, разцвѣтаетъ, и являетъ вдругъ и прелести и благоуханіе свое, есть слабое изображеніе того, чемъ представилась намъ юная Селима.

Слёзы ея, какъ сребряны источникъ, текли по ланитамъ на грудь ея; прекрасная рука ея отирала ихъ бѣлыми власами. Первой взоръ ея обращенъ былъ ко Іакову; потомъ очи наши встрѣтились другъ съ другомъ, и возмутился духъ нашъ. Я приступя къ ней вѣщалъ: „Небеса исполнили всѣ мои желанія, я часто просилъ у нихъ сестры." Между тѣмъ сіе пріятное имя уста мои произнесли неволею, и я примѣтилъ, что оное изъясняло слабо мое чувствіе. Она проводила насъ къ долинѣ, гдѣ праздникъ мой былъ торжествованъ: тамо очи наши часто другъ на друга устремлялись, и когда она свои потупляла, я еще на нея взирать не преставалъ: лира моя осталася въ рукахъ моихъ безгласна. До сего дня сердце мое знало токмо сыновнюю любовь и братское дружество: не зналъ я какое было сіе новое во мнѣ чувствіе; но оно мнѣ толь пріятно и толь властительно казалось, что я не вѣдалъ ужѐ самъ, любилъ ли я что нибудь на свѣтѣ до сего дня."

При сихъ словахъ Далука не могла скрыть смущенія своего сéрдца. „Я

во

во зло употребляю милость твою, рекъ ей Іосифъ: но я предаюсь воспоминанію то лютыхъ моихъ золъ, то прешедшаго блаженства.„

„Продолжай, вѣщаетъ она съ притворнымъ спокойствомъ, не оставляй ни единаго обстоятельства.... Я страшусь того, чтобъ Селима не была источникомъ всѣхъ твоихъ бѣдствій.... Но можетъ быть вселенная ею въ тебя страсть продлилася недолго?" Въ то же время устремила она на него взоръ свой, въ коемъ безпокоющее ея любопытство изображалося.

Близъ нашего дому, повѣствуетъ Іосифъ, есть сокрытая долина окруженная холмами, съ коихъ рука моя собирала множество цвѣтовъ прекрасныхъ; чистый источникъ подъ прелестною древесъ тѣнью протекалъ сію долину: тамо было мое дражайшее убѣжище; я сталъ чаще ходить въ него съ тѣхъ поръ, какъ душа моя новымъ чувствіемъ смутилась. Въ единый день, когда стадо пасомо было по брѣгу сего источника, и когда предался я пріятному размышленію, взялъ я лиру мою, и хотѣлъ воспѣть по прежнему цвѣты,

кустарники или самую Аврору: но я не могЪ ничего произнести кромѢ воздыханій, лира моя выражала оныя, и имя Селимы какЪ бы само собою приходило во уста мои: сіи воздыханія и сіе имя составили новый и плѢняющій гласЪ, повторяемый источникомЪ во своемЪ теченіи. Когда устремя очи мои на текущій потокЪ, сей гласЪ я произносилЪ, тогда вдругЪ узрѢлЪ я вЪ прозрачныхЪ водахЪ образЪ Селимы; самый источникЪ казался мнѢ тещи сЪ меньшимЪ стремленіемЪ не хотя возмутить сего дражайшаго изображенія: пріятное восхищеніе меня обЪяло; я возвелЪ очи мои и увидѢлЪ самую Селиму: прелестный румянецЪ украшалЪ ея ланиты; плѢняющая робость написана была на очахЪ ея: сія была та щастливая минута, вЪ которую клялся я любить ея вѢчно, и пріялЪ изЪ устЪ ея таковую же клятву.

По прошествіи нѢсколькихЪ дней, созвалЪ ІаковЪ всѢхЪ своихЪ сыновЪ: мы вошли вЪ сѢнь его, и увидѢли кЪ нѢкоему великолѢпному торжеству приготовленіе. На свѢжихЪ листвіяхЪ положены были наилучшіе плоды усыпанные

ные благоуханнѣйшими цвѣтами: млечные источники текли въ большіе сосуды, и единъ отъ козлищъ принесенъ былъ на жертву: неизреченная радость сіяла на челѣ отца моего: среди сихъ плодовъ и млекомъ исполненныхъ сосудовъ два вѣнца изъ цвѣтовъ поставлены были. Мы всѣ другъ на друга съ удивленіемъ воззрѣли; очи Селимы встрѣчаясь съ моими непрестанно, то страхъ, то надежду изъявляли. По начатіи торжества сего Іаковъ, сѣдящи между мною и юною пастушкой, не могъ сокрыти движенія души своея, пріявъ оба вѣнца въ руку: „Іосифъ! вѣщалъ онъ, возлюбленный сынъ мой! почто скрываешь ты отъ меня твои чувствованія? Я позналъ сердце твое; ты любишь Селиму; она непорочна; она будетъ твоею супругою прежде, нежели въ рощѣ соловей престанетъ воспѣвати." Потомъ обращся къ ней: „а ты, рекъ онъ, коея чувствительному сердцу угодно было нарещи меня отцемъ своимъ, буди нынѣ дщерь моя. Іосифъ! Селима! о естьли бы я могъ до смерти моей видѣти сыновъ вашихъ вамъ во всемъ подобныхъ!" По сихъ словахъ

соединилъ онъ наши руки. Восхищенный пріятнымъ восторгомъ, жалъ я прекрасную руку Селимы, и обнявъ отца моего, ощутилъ я текущія по ланитамъ моимъ слёзы, извлеченныя изъ очей его веселіемъ и горячностію.

Посреди сихъ пріятныхъ чувствованій, Симеонъ, смященный яростію, востаетъ и выходитъ изъ сѣни. Іаковъ пораженный удивленіемъ, уклоняется отъ моихъ объятій, оставляетъ упасть изъ рукъ своихъ вѣнцы, последуетъ стопамъ моего брата, и призывая его громкимъ гласомъ. „Сынъ мой! вопіетъ онъ, сынъ мой! тако ли пріемлешь ты участіе въ нашемъ удовольствіи? Куда влечетъ тебя слѣпая твоя ненависть? се забыти ея случай." Вѣтръ уносилъ слова его, и Симеонъ въ отчаяніи отъ насъ удалялся. Всѣмъ намъ причина сему была неизвѣстна: но гнѣвъ моего брата смутилъ веселіе праздника нашего.

Скоро узналъ я источникъ сего нещастнаго гнѣва. Въ единъ день когда пошелъ я въ рощу, вдругъ поражаютъ слухъ мой громкіе гласы; я приближаюся къ тому мѣсту, откуда слы-

слышанъ былъ сей шумъ, и сквозь густаго листвія усматриваю я всѣхъ моихъ братій, кромѣ единаго Веніамина. Симеонъ блѣднѣе и отъ ярости трепеща возносился предъ ними, подобенъ гордому древу, которое громомъ пораженно движетъ свои вѣтви, и еще не престаетъ колебатися. „Нѣтъ, вѣщалъ онъ имъ, (и я чаю слышати сей страшный гласъ раздающійся по всей рощѣ) нѣтъ; очи мои никогда не узрятъ его щастія. Недоволенъ лишивъ меня горячности родительской, хощетъ онъ еще похитить отъ меня и сердце Селимы . . . . Вы чудитеся сему: такъ, я люблю ея. Я сражался съ склонностію толь мало гордости моей приличною, и въ самое то время, когда страсть моя къ Селимѣ въ высочайшей была степени, не смѣлъ я открыти вамъ моего таинства. Судите коль страсть моя сильна: съ тѣхъ поръ какъ она въ молчаніи возрастаетъ, самъ ощутилъ я, что порицаемая отъ всѣхъ непреклонность духа моего ужѐ во мнѣ ослабѣваетъ: можетъ быть жестокосердіе мое нѣкогда и могло бы укротитися. Но нѣтъ: не для меня Селима рожденна:

Іаковъ не могъ познати тако сердце мое, какъ позналъ онъ сердце своего возлюбленнаго сына, а естьли бъ онъ и проникнулъ въ мои чувствованія, не должно ль бы мнѣ было истребити оныя? Вы всѣ свидѣтели обиды моея; въ присутствіе ваше исторгнулъ онъ Селиму отъ меня, и отдалъ ея сему вѣроломному брату. Свершилось нынѣ все: я удалюся отъ дому нашего, не вниду я въ него во вѣки. Хощете ли вы послѣдовати мнѣ, или продати меня по примѣру Іосифа. Но можно ль вамъ забыть и ваши собственныя обиды? Не предпочитаетъ ли его Іаковъ всѣмъ своимъ сынамъ? Рувимъ! или не помнишь ты болѣе того, что ты старшій изо всѣхъ, и что прежде ты самъ имѣлъ первое въ сердцѣ его мѣсто? Пойдемъ: не устрашимся оскорбити Іакова отшествіемъ нашимъ: или онъ не утѣшитъ себя о насъ въ объятіяхъ Іосифа? а естьли вы толико слабы, что не можете оставить на вѣки родительскаго дому, то по крайней мѣрѣ поищемъ случая не быти свидѣтельми торжеству ненавистнаго мнѣ брака."

Рекъ онъ, и послѣдовать ему всѣ приносятъ клятву. Отъ сихъ словъ,

отъ сея клятвы, оледенѣла кровь въ моихъ жилахъ.

Въ тотъ часъ братія мои пошли всѣ ко Іакову: я слѣдовалъ за ними, и во единый почти часъ вошелъ я съ ними въ сѣнь. Рувимъ простеръ слово ко отцу моему: „ долгое время, вѣщалъ онъ Іакову, обвиняешь ты насъ нераченіемъ о стадахъ нашихъ: позволь намъ гнати ихъ на тучныя Сихемскія паствы." На сіе Іаковъ соглашается пріявъ прежде отъ нихъ слово, возвратитися въ домъ свой къ назначенному дню моего брака. Въ то время съ нимъ они прощаются. Симеонъ приступаетъ къ нему злобнымъ окомъ: Іаковъ взираетъ на него съ строгостію: и тотчасъ объемлетъ его нѣжно; но Симеонъ сохраняетъ свой мрачный видъ, и въ объятіяхъ родительскихъ.

Коль безмѣрна была моя тоска! „ Какъ! вѣщалъ я самъ себѣ, нѣжнѣйшія узы становятся на вѣки золъ моихъ источникомъ! Симеонъ! почто не могу я жертвовать тебѣ Селимою! О коль я злополученъ, естьли щастіе мое губитъ моего брата!" Сіи были мои жалобы. Селима меня утѣшити старалась: пре-

лестный ея гласЪ разгналЪ мою печаль: я мнилЪ, что отсутствіе уменьшитЪ лютую злобу Симеона, и любовь, которую хотѣлЪ онЪ погасить вЪ ея началѣ; я ни о чемЪ болѣе не мыслилЪ, какЪ о единой Селимѣ, и о пріуготовленіяхЪ ко браку моему.

По одну сторону сѣни Іаковли, стояли два прекрасныя пальмовыя древà, совершенно подобныя симЪ составляющимЪ жилище мое посвященное слезамЪ, и кои казалось, нарочно подЪ тѣнь свою меня призывали. Часто сѣдя подЪ сими древесами: „ растите, о вѣтви! воспѣвалЪ я, разширяйте ваши листвія: свидѣтели нѣжныя любви, соединяющей меня сЪ Селимою, вы будете нѣкогда нашимЪ возлюбленнымЪ жилищемЪ." Сіи вѣтви возрастали, ихЪ листвія разширялись, и я достигалЪ ужè до дня, вЪ которой всѣмЪ моимЪ желаніямЪ свершиться надлежало. СЪ какимЪ усердіемЪ уготовлялЪ я брачную сѣнь мою! мягкія вѣтви сгибались по волѣ моей, и цвѣты кажется собою сами подЪ тѣнь подбирались. Здѣсь взираешь ты на подобіе того жилища, которому толь блаженну быти подобало. Поставя сѣнь, привелЪ

велъ я въ нея Селиму: присутствіе ея придавало новое сіяніе цвѣтамъ и зелени: увы! мы видѣли токмо единую минуту жилище, въ коемъ должны были мы на вѣкъ соединитися.

Наставшу дню моего брака упреждалъ я Аврору: еще царствовало въ дому нашемъ молчаніе: нетерпящій взоръ мой возводилъ я къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ востаетъ солнце, наконецъ оно явилось обремененно густымъ облакомъ, которое едва лучами своими могло оно проникнуть; темнота казалось хощетъ продолжить свое царство. „Увы! вѣщалъ я, ясное небо не хощетъ украсити дня моего благополучія!" Произнеся слова сіи, тайнымъ нѣкимъ предвѣщаніемъ смущалось мое сердце: самъ я удивленный толь малымъ чувствіемъ моея радости упрекалъ себя равнодушіемъ. Я къ Селимѣ устремился, и едва ея узрѣлъ, смущеніе мое уже разгнанно стало. Я украшалъ ея цвѣтами собранными мною: она вѣнецъ надѣла на меня, на коемъ наши имена были означенны; но я то примѣтить могъ, что цвѣты составляющіе оные слезами ея были орошенны.

Мы

Мы́ вошли въ сѣнь Іакова, которой обнялъ насъ съ горячностію. Между тѣмъ братія мои еще не возвратились: отецъ мой, для изъявленія имъ своего нетерпѣнія ихъ видѣти, восхотѣлъ итти во стрѣтеніе имъ.

Мы оставили сѣнь нашу; Іаковъ единую руку подалъ мнѣ, а другую Селимѣ; предшествующу Веніамину, прошли мы весь домъ нашъ, среди радостныхъ восклицаній по пути, которой жены и дѣти моихъ братій свѣжимъ листвіемъ устлали. Я возводилъ довольный взоръ мой и на сихъ добродѣтельныхъ женъ, и на сихъ младенцевъ непріемлющихъ ни малаго участія во злобѣ отцовъ своихъ, и на сіи многочисленныя сѣни новыми украшенныя цвѣтами. Мы отошли ужѐ нѣкое разстояніе отъ дому нашего, Іаковъ пріемлетъ мѣсто подъ кедромъ, а Селима, Веніаминъ и я возходимъ на холмъ, возвѣстити ему пришествіе моихъ братей.

Солнце свершило ужѐ половину своего теченія, и смущенный отецъ мой на́чалъ страшитися, не приключилось ли сынамъ его нѣкоего бѣдствія; упрекалъ онъ себя, почто согласился на отшествіе

ствіе ихъ, и хотѣлъ итти самъ помощй имъ или утѣшити ихъ. Но я подозрѣвая весьма истинную вину сего медленія, зрѣлъ всю мою надежду изчезающу. „Успокойся, рекъ я Іакову, я иду искати моихъ братей.

„И ты! отвѣщаетъ онъ, и ты меня оставить хощешь! такъ должно мнѣ лишитися всѣхъ моихъ сыновъ!... знаю, что послать тебя въ Сихемъ, или шествовать мнѣ самому туда, есть тоже самое; любовь твоя къ братіямъ твоимъ мнѣ ужѐ извѣстна .... но естьли и тебя долженъ я также долго ожидать какъ и ихъ сюда прибытія! я не весьма отъ смерти удаленъ: естьли умру не давъ тебѣ моего благословенія, и естьли не ты затворишь мои очи!" Сіи словà смягчили сердце мое. Съ другой стороны̀ Селима просила меня, нѣжнѣйшими словами, не разлучаться съ нею. Сердце мое пресильно колебалось: но братское дружество и долгъ мой все преодолѣли. Я обнялъ моего родителя, а онъ прижавъ меня къ груди своей, стенаніемъ своимъ смущалъ мою душу: я обнялъ Селиму и младаго Веніамина, который общей нашей послѣдуя

дуя печали, простеръ ко мнѣ свои руки, и проливалъ слезы.

Плачущая Селима послѣдовала стопамъ моимъ. „Я не могла свободно вѣщати тебѣ, въ присутствіи Іакова, рекла она. Куда ты идешь? иль забылъ ты злобу своихъ братей? не чаешь ли ты привесть ихъ въ домъ нашъ? Сей день долженъ быть въ жизни нашей благополучнѣйшимъ: естьли бъ ты меня любилъ: то могъ ли бъ ты еще отлагати бракъ нашъ?"

„Я люблю тебя, отвѣтствовалъ я ей, но любовь моя къ тебѣ погаситъ ли дружбу, которою я долженъ моимъ братіямъ? Благополучіе мое не возмутится ли ихъ отсутствіемъ? или чаешь ты, что смущенный судьбою ихъ Іаковъ, соединитъ насъ до ихъ сюда прибытія? и любовь, и дружба велитъ мнѣ спѣшити ихъ возвращеніемъ."

Окончавъ сіи слова оставилъ я нѣжныя объятія Селимы, и отъ нихъ удалился. Часто обращаясь, возводилъ я очи мои на сихъ нѣжныхъ друговъ, кои съ своей стороны взоромъ своимъ меня препровождали. Но едва потерялъ я ихъ изъ глазъ моихъ, уже объяла мой

духъ

духъ жестокая тоска. Я обратился было къ нимъ, желая еще ихъ видѣти; они приближались ко мнѣ съ тѣмъ же намѣреніемъ: мы простерли руки наши, и нѣсколько минутъ взирали другъ на друга съ безгласнымъ изъявленіемъ нашея горячности. „О чемъ ліются слёзы ихъ? вопрошалъ я самъ себя: но почто и мое терзается сердце? я разлучаюсь съ ними на единый день токмо, видѣти братій моихъ."

Мысль о долгѣ моемъ возобновилася во умѣ моемъ, я въ послѣдней разъ взглянулъ на Іакова, Селиму и Веніамина, и устремя взоръ мой на домъ родительскій, видимый мною съ холма того, узрѣлъ я брачную сѣнь мою. „Прости! вѣщалъ я, блаженное жилище! прежде нежели украшающіе тебя цвѣты увянутъ, надѣюсь я, подъ тѣнію твоею, разгнати мое сердечное смущеніе." Въ тоже самое время продолжалъ я путь свой.

Чѣмъ далѣе я шедъ, тѣмъ паче успокоивалось сердце мое желаніемъ обняти моихъ братій. Я ласкалъ себя тѣмъ, что не возмогутъ они противитися моему моленію, и нѣжному дру-

жеству, котораго искренность явна имъ будетъ въ очахъ моихъ, въ прошеніи моемъ, во гласѣ и слезахъ.

Тако размышляя достигъ я до Сихема въ самый тотъ часъ, въ который стада паству оставляютъ: въ надеждѣ встрѣтиться съ моими братіями, прешелъ я стремительно пастырскія хижины: но ни единаго изъ нихъ не видѣлъ. Вопрошалъ я, гдѣ сынове Іаковли? Отвѣтствовали мнѣ, что нѣсколько дней тому какъ сіи дѣти, недостойные отца толь добродѣтельнаго, вышли изъ своего дому, что новое ихъ убѣжище неизвѣстно никому, но что видѣли ихъ въ ближній лѣсъ идущихъ. Сіи слова извлекли изъ меня тяжкое воздыханіе, и я смятенными стопами пошелъ въ поле: уже нощная темнота приближалась. О колико духъ мой колебался! продля мое отсутствіе оскорблю я отца и возлюбленную, которыхъ я самъ видѣти желалъ, но могъ ли я возвратитися къ нимъ непровождаемый моими братіями? Какъ возвѣстити мнѣ Іакову, что нѣтъ болѣ ихъ въ Сихемѣ, что никто о мѣстѣ ихъ пребыванія не знаетъ? Предпріялъ

я паче жертвовать собою, нежели не привести въ объятіе Іакова всѣхъ его сыновъ. Я не ожидалъ солнечнаго возвращенія. Нощь распростерла ужѐ свою мрачную завѣсу, я вошелъ въ лѣсъ, и не вѣдая куда иду, вопіялъ: „Сынове Іаковли! братія моя! гдѣ вы.“ Гласъ мой слышанъ былъ подобенъ гласу агнца лишеннаго своея матери.

„Какъ! прерываетъ рѣчь его устрашенная Далука, ты былъ одинъ, среди темнаго лѣса, во ужасѣ мрака? я страшусь, чтобъ лютые звѣри на тебя не напали!“ „Они бѣжали предъ лицемъ моимъ, отвѣщаетъ Іосифъ, и я долженъ былъ обрѣсти въ братіяхъ моихъ еще лютѣйшія сердца . . .

Странникъ нѣкій притекъ на вопль мой, и возвѣстилъ мнѣ, что сынове Іаковли были въ Дофаимѣ: я чаялъ его быти ангела сошедшаго мнѣ на помощь. „Ахъ! естьли идешь ты мимо дому Іаковля, рекъ я ему, вниди въ сѣнь его; разгони страхъ его и Селимы, съ которою бы нынѣ ужѐ я соединенъ былъ безъ нѣкіихъ гибельныхъ намъ обстоятельствъ; вѣщай имъ, что я медлю къ нимъ пріити, слѣдуя стопамъ моихъ братій.“

Я продолжалъ путь мой, и шедши всю нощь, прибылъ я свѣтающу дню въ поля Дофаимскія. Скоро узрѣлъ я идущее многочисленное стадо: вѣрные ихъ псы прибѣгли и ласкалися ко мнѣ. „И такъ, возопилъ я восхищенный радостію, и такъ скоро объиму я моихъ братій!" Въ то же самое время устремился я на срѣтеніе перваго, который былъ Симеонъ. Ярость возгорѣвшая въ очахъ его возвѣстила мнѣ, что онъ позналъ меня. „Дерзновенный! рекъ онъ, ты послѣдуешь мнѣ въ мѣста, гдѣ убѣгаю я твоего присутствія! украшенный симъ противнымъ мнѣ вѣнцемъ соединяющимъ оба имена ваши, хощешь ты еще принудить меня быть свидѣтелемъ твоего щастія!" По сихъ словахъ отреваетъ онъ меня. Признаюсь, что хотѣлъ я побѣдити сію злобу: не смотря на его силу, взялъ я его въ мои объятія, и не могши произнести ни единаго слова, прижалъ я его къ груди моей съ такимъ принужденіемъ, которое единымъ токмо дружествомъ можетъ извинитися.

Но не смягчась моимъ объятіемъ, онъ паче воскипѣлъ. „Симъ являешь

ты

ты любовь или ненависть? рекъ онъ мнѣ, слабый врагъ! побѣдивши меня хитростію, или мнишь ты побѣдить меня и силою!" Произнеся сіи слова, сопротивляется онъ мнѣ, изторгаетъ себя изъ рукъ моихъ, извлекаетъ ножъ свой, и на сердцѣ мое его подъемлетъ. Я ему не противился ни мало: но Рувимъ притекъ, и удержалъ руку брата моего.

Въ тотъ часъ всѣ они меня окружили, и я внималъ имъ судящимъ о моей судьбинѣ. Ярость Симеона не могла ничемъ быти укрощенна. Онъ разорвалъ вѣнецъ надѣтый на меня Селимою, и не допуская умолятии себя, повлекъ меня и вкинулъ въ ровъ безводный.

Солнце достигало до среды своего теченія, и братія моя радовались тогда, когда я почти бездыханенъ лежалъ на знойномъ камнѣ, и ожидалъ смерти. Вдругъ является Симеонъ на брегѣ рва того, повелѣваетъ мнѣ изыти изъ него, и подаетъ на помощь свою руку. Хотя таже ярость въ очахъ его горѣла, но я мнилъ, что сожалѣніе подвигло его душу.

Я послѣдовалъ ему трепеща до того мѣста, гдѣ братія моя были собранны: тамо съ удивленіемъ узрѣлъ я чужестранцовъ щитающихъ имъ злато. Но скоро узнавъ нещастную мою судьбину, обращалъ я повсюду мои очи искати Рувима, который тогда отъ нихъ уклонился. Прежде воздыханія мои прервали гласъ мой; наконецъ побѣдилъ я скорбь мою, и къ сыновомъ Іакова обратилъ сіе слово. „Естьли бъ взоры, воздыханія и слёзы братни могли смягчить сердцà ваши, я васъ не сталъ бы упрекати. Сія ли награда мнѣ за дружество мое, которое изъявлялъ я вамъ съ самаго моего младенчества? Я оставилъ домъ отца моего возвратити васъ въ него; не нашедъ ни единаго въ Сихемѣ, слѣдовалъ я до сихъ мѣстъ за вами, и послѣдовалъ бы еще далѣе: я не хотѣлъ праздновать бракъ мой не окруженъ будучи моими братіями, не возвратя ихъ къ себѣ горячности: и се мзда моего усердія! дружество мое къ вамъ лишаетъ меня всего моего щастія!... Но, скажите, правда ль то, что вы имѣете нынѣ жестокосердіе похитить меня отъ родителя, невѣ-

сты...

сты . . . отъ братій; ибо не могу я еще того забыти, что имѣемъ мы единаго отца! можете ли вы продати собственную кровь вашу? или злато въ очахъ вашихъ большую имѣетъ цѣну, нежели пріятныя и священныя узы братскаго дружества? . . . Симеонъ! почто воспрепятствовалъ тебѣ Рувимъ меня умертвити? но здѣсь нѣтъ ужè его, прими паки ножъ свой, вотъ грудь моя, мнѣ пріятнѣе умрети, нежели быти рабомъ и жити удаленнымъ отъ возлюбленныхъ . . . . Естьли не смягчаетесь вы моими бѣдствіями, естьли, не проливая слезъ, представляете вы стенанія мои, разлуку мою съ ближними, и ужасъ рабства моего, то не ужè ли безчувственны будите вы и къ скорби Іакова? хощете ли вы видѣти слезы отца своего, и во гробъ его повергнути? . . . Но что? или всѣ вы на меня вооруженны? . . . Неффалимъ! дражайшій Неффалимъ! который въ веселіяхъ моихъ бралъ всегда участіе, который отъ природы кротчайшее имѣетъ свойство, или доволенъ ты единымъ слезъ своихъ пролитіемъ? . . . Симеонъ! братъ мой! (сіе едино имя должно тебя смягчити)

ты нѣкогда любилъ меня; я тебя не ненавижу, и послѣ твоего ко мнѣ злодѣйства. Предупреди раскаяніе, которое терзати будетъ твою душу; возврати мнѣ свободу, и я все забыти обѣщаю; ни отецъ мой, ни самая Селима не изторгнутъ отъ меня сего нещастнаго таинства: я отру слёзы мои, объиму тебя, мы возвратимся въ домъ нашъ, и взаимное наше дружество усладитъ старость Іакова, и жизнь его продлитъ."

Сіе вѣщая, простиралъ я къ нему руки, и взоры мои умоляя его увѣряли о моей къ нему горячности. Большая часть моихъ братій смягченными казались; Неффалимъ хотѣлъ меня защитить; сами чужестранцы купившіе меня подвигшеся на жалость, были нерѣшимы. Но коль велика сила злата надъ сердцами! Симеонъ уступя нѣсколько цѣны преклонилъ ихъ на свою сторону. Потомъ воззрѣвъ свирѣпо на всѣхъ моихъ братій, грозилъ Неффалиму равною судьбиною со мною. Въ то же время совлекли съ меня ризу изтканную руками Селимы на день моего брака, и надѣли на меня рабское одѣяніе.

Тогда не видя ни малыя надежды: „Нещастная минута, возопилъ я, въ которую, чая найти здѣсь братій, оставилъ я родителя, въ которую сопротивлялся я твоему прошенію, о возлюбленная Селима! нынѣ былъ бы уже я твоимъ супругомъ, вкушали бы мы щастіе оба подъ сѣнію единой .... Ты всечасно меня ожидаешь; ты можетъ быть собираешь цвѣты на главу мою; предай оные вѣтрамъ; ими украшатися я уже не буду ....” Потомъ обращся къ моимъ братіямъ: „впослѣдніе, рекъ я, заклинаю васъ олтаремъ поставленнымъ рукою Авраамлей, гробницами праотцевъ нашихъ, старостію Іакова, супругами, дѣтьми вашими, всею природою, и Богомъ вами почитаемымъ, Богомъ всея вселенныя, создавшимъ насъ всѣхъ братіями, начертавшимъ въ сердцахъ нашихъ священные законы братскаго дружества, и взирающимъ на насъ съ высоты небесныя .... Тщетныя моленія! я не о себѣ васъ умоляю. Возвратитесь въ домъ родительскій: вы не узрите тамо брата вамъ ненавистнаго: да не будетъ Іаковъ имѣти скорби лишася всѣхъ сыновъ

своихъ . . . . помогайте старости его . . . .”

Неффалимъ устремляется тогда въ мои объятія: мы соединяемъ наши слёзы и рыданіе. „Я еще брата обрѣтаю! рекъ я ему, минута смѣшенная съ радостію и ужасомъ! . . . внемли; ужѐ не чти меня въ живыхъ, и воспомни послѣднюю волю мою . . . не проливай болѣе слезъ. Естьли тронутъ ты моимъ нещастіемъ, клянись не оставить отца моего; буди жезломъ его старости; утѣши, естьли можно, скорбь его; да вѣчно не познаетъ онъ творцовъ моея гибели; онъ не снесетъ толь страшнаго удара . . . . Тебѣ Селиму поручаю . . . . Помоги мнѣ, бремя золъ моихъ меня отягощаетъ . . . не оставь Веніамина . . . .” Я хотѣлъ было еще продолжати слово мое; но Симеонъ исторгаетъ изъ рукъ моихъ Неффалима, братія моя удаляются и чужестранцы влекутъ меня съ собою. Казалось мнѣ, что рвутъ они сердце мое, прерывая вдругъ толикіе союзы; имя Іакова, Селимы и Веніамина исходили изъ устъ моихъ; слёзы мои текли рѣкою, я призывалъ на помощь небо; вопі-

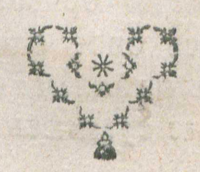
вопіялъ жалостно; но скоро померкъ свѣтъ очей моихъ, колѣна мои престали мнѣ служити, и я упалъ на землю. Тогда благословлялъ я вышнее существо, чая въ самый тотъ часъ умрети: но горячность сердца моего возвратила мнѣ жизнь мою. Отверзя очи мои звалъ я отца моего и Селиму, и узрѣлъ себя окруженна презрительными мздолюбцами торгующими человѣческою свободою.

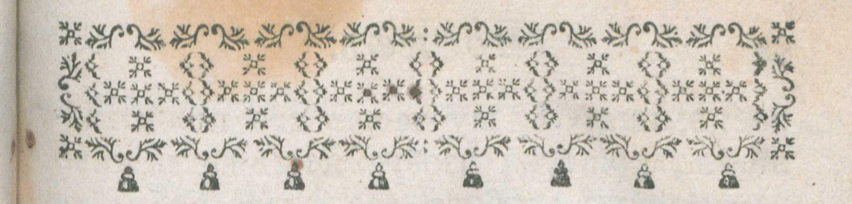
Мы отправилися въ путь: ни единый видъ не поражалъ моего взора; тщетно старались со мною начати слово; душа моя повержена была во единое чувствіе скорби. Погруженный въ уныніе, и не вѣдая куда мы идемъ, приведенъ я сталъ наконецъ къ Бутофису, который принялъ меня въ число своихъ рабовъ.

Се повѣсть лютыхъ золъ моихъ. Исполненное печалію сердце мое, и нехотящее до сего часа никому повѣдати свое мученіе, хотя сіе утѣшеніе нещастнымъ едино остается, изъявило предъ тобою все свое страданіе. Я открылъ тебѣ злодѣянія братій моихъ. Между тѣмъ не сумнюсь я, чтобъ нынѣ рас-

раскаянїемъ они сами не терзались; добродѣтель воспрїяла конечно въ душахъ ихъ владычество свое . . . . Ты плачешь о бѣдствїяхъ моихъ. Коликое блаженство предвѣщаетъ мнѣ твоя чувствительность! ты оживишь скорбную жизнь мою, и возвратишь веселїе въ домъ отца моего."

Іосифъ умолкаетъ. Прїятное дѣйствїе произведенное въ нѣжномъ сердцѣ тишиною послѣ сладостнаго пѣнїя, есть то самое чувствїе, которое Далуку исполняетъ: она предается нѣжнѣйшему сожалѣнїю; слёзы ея, неприметно ей самой, лїются изъ очей ея; все, кажется, сокрылось отъ ея взору; она не видитъ уже и самого Іосифа. Наконецъ вышедъ изъ сего глубокаго унынїя, востаетъ она, обѣщаетъ юному рабу скончати бѣдствїя толь неправедно его терзающїя, и шествуетъ къ своимъ чертогамъ. Успокоенный ею Іосифъ, отираетъ свои слёзы и въ сѣнь возвращается.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

* * *

Далука возвратившаяся въ свои чертоги, успокоиться хотѣла; но образъ Іосифа, неисходящей изъ ея мыслей, отгонялъ сонъ отъ очей ея: казалось ей, что будучи еще въ сѣни нещастнаго, устремляя на него взоръ, и плѣняя слухъ свой пріятнымъ его гласомъ, внимала она прежалостнѣйшей повѣсти; она чаяла еще зрѣти текущія слёзы Іосифовы: тогда не могши сама отъ слезъ удержаться, находила удовольствіе проливати оныя, воображая, что съ нимъ купно она плачетъ. Но едва вос-

воспоминаетъ ту часть его повѣствованія, которая изображаетъ толь живо нѣжнѣйшую любовь его, ужѐ слёзы ея остановляются, смертный ядъ терзати ея начинаетъ, прелестная скрывается мечта, она обрѣтаетъ себя едину, и страшится вопросити смущенную свою дỳшу.

„Кое смятеніе, рекла она потóмъ, кое невольное смятеніе объемлетъ мое сердце? Возмущенная истиннымъ о немъ сожалѣніемъ, хотѣла я познати нещастія Іосифовы; мнѣ бѣдствія его казалися моими; онъ исполнилъ мое желаніе; я могу оныя окончить; наутріе будетъ онъ свободенъ; я возвращу его... кому? . . . Объятіямъ Селимы?" Отъ сея единой мысли она вострепетала.

„Нещастная! рекла потóмъ, такъ истинно сіе, ты любишь! Се тотъ самый смертный, о коемъ, не зная его, воздыхало твое сердце, коего требовала ты отъ всея природы, и коего отсутствіе вселяло въ тебя отвращеніе ко всемъ прочимъ веселіямъ. . . . О коль судьба моя нещастна! Я уклоняюсь отъ торжествъ ненавистнаго мнѣ брака, и прихожу въ сіи мѣста спокойствія искати;

кати; надѣялась я, пріемля участіе въ тишинѣ сего уединеннаго жилища, обрѣсти болѣе здѣсь владычества надъ моимъ сердцемъ; но въ семъ самомъ жилищѣ спокойству моему встрѣчаются новыя препятствія, и я пылаю огнемъ противнымъ дому моему! . . . Сколь позорно сіе признаніе! Ты, которая отвергла любовь цѣлаго двора, забывъ нынѣ гордость твоея природы, ты унижаешь себя воздыхати о рабѣ своемъ. Но что вѣщаю я? Іосифъ въ рабствѣ ли родился? Естьли онъ, какъ я себѣ ласкала, не рожденъ отъ безсмертныхъ, то недостоинъ ли онъ родитися отъ нихъ? Предки его были мирные Цари, окруженные дѣтьми и стадами своими. Естьли боги и привели его въ неволю, то, можетъ быть, сіе для того сотворили, чтобъ привести его въ мои объятія; но хотябы онъ простый токмо былъ рабъ, кое увѣнчанное чело болѣе пріятностей имѣетъ? Кто подобенъ ему, кто можетъ соединити въ себѣ толико благородства съ толикою простотою? . . . Куда ведетъ тебя твое безуміе? Иль ты ужѐ забыла, что сердце твое не въ твоей болѣе власти, что ты на вѣки отдала его другому,

что

что честь и добродѣтель велятъ сей огнь тебѣ тушити? Но что! или пламень сей не можетъ быти невиненъ? Или тотъ уже преступникъ, чье сердце любовь ощущаетъ? Строгіе законы брака воспретятъ ли мнѣ имѣти удовольствіе видѣти и утѣшати нещастнаго, внимати изъ непорочныхъ устъ его повѣствованію нещастной его жизни, преклоняти слухъ мой ко гласу его лиры, слёзы мои соединять съ его слезами, съ нимъ купно воздыхати, вѣщати ему о любви моей, пріяти увѣреніе о нѣжности его . . . . Ахъ! что рекла ты? или забыла уже то, что онъ другую обожаетъ? Тотъ, коего чтила я нечувствительнымъ, сколь нѣжно признавался предо мною въ любви своей! но вѣдаетъ ли онъ, что я его люблю? Дерзаетъ ли онъ и помыслити о семъ? Не мнѣ ли должно побѣдити робость его, и могу ли я единую минуту въ томъ усумниться, чтобъ онъ не жертвовалъ мнѣ своей Селимой!" Таковы были смятенныя чувствованія, коими терзалася Далука.

Пришедъ въ сѣнь свою Іосифъ, отеръ слёзы свои, кои чаялъ въ послѣдніе проливати о нещастіи своемъ. Онъ за-

снулъ

снулъ лаская себя пріятнѣйшею надеждою, и отъ начала его рабства, сей былъ первый разъ, въ который сонъ затворилъ спокойно его очи: ужè лестныя видѣнія приводили его въ объятія родителя и возлюбленной. Среди сихъ радостныхъ изображеній, онъ пробуждается, и выходитъ изъ сѣни своея.

Солнце восходило позади черныя кедровыя рощи, и оную, казалося, златомъ лучей своихъ зажещи: Вся роща, небеснымъ огнемъ оживленная, дышала благоуханіемъ, которое зефиры по полямъ разносили, а изъ среди сего убѣжища слышно было пріятное птицъ пѣніе, исходящее какбы съ того краю горизонта, гдѣ дневное раждается свѣтило. Сіе прелестное и величественное зрѣлище плѣняетъ сердце Іосифово: онъ устремляетъ на оное взоръ свой, и въ тоже время обоняетъ умащенный воздухъ, и пѣнію внимаетъ. Какъ нѣкто, мнящи свобождатися отъ долговременныя и жестокія болѣзни, чаетъ видѣти всю природу съ собою оживляющуюся, предается тѣмъ видамъ, на кои долго взиралъ онъ нечувственнымъ окомъ, и между тѣмъ не вѣдаетъ того, что на-

слаждается онъ единымъ только блескомъ здравія: тако Іосифъ предается тѣмъ чувствованіямъ, для коихъ душа его долгое время была затворенна. „О, солнце! возопилъ онъ съ восхищеніемъ, ты, кое освѣщаешь послѣдній день моего плѣненія, я могу на первые лучи твои яснымъ возрѣти окомъ; я могу, не проливая слезъ, зрѣти тамо твое сіяніе, гдѣ ближніе мои собранны. Пріятная Аврора! ты не явишся болѣе не внемля моимъ пѣснямъ!"

Между тѣмъ день сей почти уже протекъ, и не терпѣливый Іосифъ въ пустынной своей сѣни ожидалъ еще того, что придутъ разрѣшити его оковы: хотя нощь распростерла уже свои мрачныя завѣсы; но онъ, казалось, хощетъ еще продолжити день тотъ, которой чтилъ онъ днемъ своей свободы. Онъ не прежде удалился, какъ са́мая глубокая темнота на землѝ воцарилась. Наутріе томленъ онъ былъ равнымъ ожиданіемъ. Множество протекло дней; а онъ еще рабомъ остается. Наконецъ изчезаетъ его надежда, погасаетъ въ сердцѣ его радость, и мрачная тоска обьемлетъ паки его дꙋшу; но по-

ступокъ Далуки казался ему дивенъ. „Увы! вѣщаетъ онъ, такъ и самыя слезы суть обманчивы, залогъ чувствительныя души къ нашему бѣдствію!“

Далука, не возмогши укротити жестокую страсть свою, испытывала силу отсутствія. Не можетъ она оставить своего сельскаго жилища, но заключа себя въ чертоги и сады свои, убѣгаетъ она тѣхъ мѣстъ, гдѣ могла бы встрѣтиться съ юнымъ невольникомъ. Тщетныя старанія! Сей пріятный образъ послѣдовалъ за нею и въ самое дальнѣйшее уединеніе. Зефиры на листвіяхъ играя, производятъ ли тѣмъ пріятность ея слуху; она чаетъ слышати прелестный гласъ Іосифа. Естьли во время нощныя тишины соловей жалостно вспѣваетъ, или источникъ съ томнымъ протекаетъ журчаніемъ, то кажется ей, что жалобы и воздыханія Іосифа слухъ ея пронзаютъ: тогда упрекаетъ она себя въ томъ, что вмѣсто прекращенія толикихъ бѣдствъ, она ихъ умножаетъ, и новыя слезы ему приключаетъ. Часто не вѣдая сама, идетъ она къ Іосифовой сѣни, но вдругъ въ себя пришедъ, возвращается оттолѣ. Въ единый

ный вечерЪ достигнувЪ до самыя тоя рощи, восхотѣла она бѣжати сего мѣста, но вдругЪ непобѣдимою силою тамо удержана стала; душа ея, какбы изчерпанная многими колебаніями страстей, силѣ любви уступаетЪ. Трепещущими стопами приближается она кЪ уединенной сѣни: луна освящала робкое ея хожденіе. „Богиня, возопила она, устремя взорЪ на сіе свѣтило, не смотря на блѣдный огнь свой, непорочна, и свирѣпа, не могла и ты отЪ любви защититься; ты сошла сЪ небесЪ, и пастырь привлекЪ тебя ощутить всѣ ея пріятности. Я равно, какЪ и ты, мое величество слагаю, и простаго люблю пастыря. Способствуй моимЪ желаніямЪ: ты оными сама исполнена была; сотвори, да не будетЪ мой нечувственЪ любовникЪ."

ВЪ самое то время приближилась она кЪ сѣни, не смотря на природную гордыню сердца своего, трепещетЪ она вЪ присутствіи невольника. Внезапное ея пришествіе удивляетЪ Іосифа. „Конечно, рѣкЪ онЪ ей, приходишь ты ко мнѣ возвѣстити мою свободу. Прости моимЪ подозрѣніямЪ: я чтилЪ себя забвеннымЪ тобою.

Да-

Далука молчитъ единую минуту; воздыхаетъ. „Сколь далеко отъ сего, чтобъ я тебя забыла! вѣщаетъ она.... Нещастія твои не исходили изъ моей памяти."... Но, рекла она запинаяся, и потупя свои очи, или не можно скончать твои бѣдствія безъ того, чтобъ не имѣть намъ лишась тебя печали? Ты самъ забудешь ли ты насъ безъ всякаго сожалѣнія? Ты имѣешь здѣсь друзей: иль хощешь ты уже на вѣки ихъ оставить?... Есть, можетъ быть, сильнѣйшія узы, нежели родство: они могутъ усладить и жесточайшую неволю.... Когда же ничто удержать тебя не можетъ, то не уже ли не страшишся ты сѣтей поставляемыхъ тебѣ вѣроломными братіями? Или мнишь ты, что они видя торжествующаго тебя надъ ихъ злобою, не помыслятъ на жизнь твою? Они прольютъ кровь твою... Трепещу отъ сей единой мысли... и я сама давъ тебѣ свободу, предамъ тебя ихъ лютости. Но хотя ты отъ нея и можешь избѣжать, то я далеко буду отъ тебя, не услышу о твоей судьбинѣ, и возмущенная душа моя представлять себѣ будетъ за всегда сей кровавый образъ...."

„Ничего не устрашайся, прерываетъ съ горячностію Іосифъ: я уже рекъ тебѣ, раскаяніе живетъ въ сердцахъ моихъ братій; слёзы и отчаяніе Іакова, Селимы и Веніамина, и сáмое братское дружество въ душѣ ихъ обновленное, словомъ: все возвратило мнѣ мою братію. Но хотя бы я въ нихъ обрѣлъ мою погибель, я пылаю желаніемъ видѣти отца моего и возлюбленную. Къ чему продолжати мнѣ безъ нихъ нещастную жизнь мою? Обнявъ ихъ умру, естьли то необходимо, и умру съ меньшимъ сожалѣніемъ. Но нѣтъ! братія мои согласятся на мое блаженство. Не медли онымъ, и милости твои изъ памяти моей не будутъ истребленны; никогда солнце не достигнетъ до конца своего теченія прежде, нежели воспою оныя въ пѣсняхъ моихъ; послѣ Творца всея природы, ты первая получишь праведную дань моея благодарности, и отецъ мой и Селима, исполненные равно со мною твоимъ благодѣяніемъ, гласы свои съ моимъ соединятъ."

„Селима! рекла разгнѣванная Далука; Селима! . . ." Потóмъ смягча свой голосъ: „такъ ты пылаешь токмо

мо ею? . . . а естьли ты здѣсь найдешь другую Селиму . . . "

„Кто возьметъ ея мѣсто? Рекъ Юсифъ, которая изъ смертныхъ? . . . "

„Ты зришь ея предъ собою, прерываетъ Далука . . . Сіе слово неволею излетѣло изъ устъ моихъ . . . Престань дивится . . . . Къ чему тебѣ вѣщати, что я тебя люблю? Взоры мои, воздыханія, страхъ, слезы, не могли ли о томъ повѣдати тебѣ? Я не стараюся восхвалити тебѣ твою побѣду, но я презрѣла любовь множества вельможей знатнѣйшихъ, и безъ тебя не знала бы сей страсти: отъ гордости ль единой, или отъ того, что сердце мое себя предоставило тебѣ, было оно не чувственно донынѣ. Привлеченная неволею къ олтарю, клялась я о томъ, что не могши любити моего супруга, ни единъ смертный душею моею владѣти не будетъ. Тщетныя клятвы! съ тѣхъ поръ, какъ я тебя узрѣла, ты владѣешь ею, и я живу тобою. По что боги не привлекли меня сюда прежде моего брака? Не внимала бъ я тогда ни знатности рода сей сильной гордынѣ, ни корысти, ни родительскому честолю-

бію; тебѣ вручила бы я сердце мое, последовала бы я повсюду за тобою. Но не смотри на сіи узы неволею заключенныя, ты одинъ владѣешь моимъ сердцемъ; я могла испросити у супруга моего, чтобъ довольствуясь единымъ привлеченіемъ меня ко олтарю, не смущалъ онъ моего уединенія. Еще ли хощешь ты шествовать отсюда? Еще ли меня оставити ты хощешь? Предпочтишь ли ты мнѣ вѣроломныхъ братій, и любовь моя не превышаетъ ли горячности твоего родителя? Что вѣщать мнѣ о Селимѣ? Можетъ ли она тебя любить такъ, какъ я тебя люблю? Избирай свою судьбину. Хощешь ли ты, чтобъ знатность моя поставила тебя на единую чреду со мною? О коль пріятно мнѣ будетъ содѣлати твое щастіе! Доволенъ будучи единою любовію, хощешь ли ты остатися рабомъ? Я сниду до тебя; величество, о коемъ я прежде ревновала, будетъ тебѣ на жертву принесенно; сѣнь, гдѣ ты толикія проливалъ слéзы, превратится въ жилище твоего благополучія: она будетъ моей храминою, и единою свидѣтельницею нашея нѣжности.» Произнося

сіи

сіи слова устремила она пламенный взоръ свой на Іосифа. Все казалося съ ея желаніемъ согласно: пріятный свѣтъ луны, освѣщая ея прелести, умножалъ красоту ея; движимая тѣнь листвія то скрывала, то открывала прекрасную грудь ея поднимающуюся отъ нѣжныхъ воздыханій; любовь, въ коей она открылась, еще въ очахъ ея являлась. Вся роща и цвѣты украшающія сѣнь, дышали ароматами, и соловей сладкимъ своимъ пѣніемъ, къ любви лѣсныхъ жителей и смертныхъ, казался призывати.

Младый невольникъ, чрезмѣрнымъ объятъ удивленіемъ, молчалъ долгое время. Далука заключала изъ сего нѣчто пламени своему полезное; взоры ея отъ того прелестнѣе становились: она чаяла, что воздыханіе побѣду ея кончитъ, но онъ съ кротостію ей отвѣщаетъ. „Ты конечно не требуешь того, чтобъ скрылъ я отъ тебя мои чувствованія, и языкъ мой на лесть не можетъ преклонитися. Не могу я отвѣтсвовать твоей нѣжности. Великій боже! я сталъ бы не вѣренъ добродѣтели, во злѣ олтаря тебѣ посвященнаго! О праотцы мои! О родитель мой! я васъ

сталЪ бы недостоинЪ! а ты возлюбленная Селима! я измѣнилЪ бы клятвѣ моей на томЪ мѣстѣ, на коемЪ вседневно о тебѣ слезы проливаю, и которою изображаетЪ мнѣ твои образЪ и брачную сѣнь мою! но ты, прости дерзновенію моему, ты сама, несоединенна ли сЪ супругомЪ? Я вѣренЪ союзу любви, но брачные узы, еще ль и онаго несвященнѣе? Когда таковой пріятной союзЪ ужè заключенЪ единожды, то можно ли имѣть другія еще желанія? Соединеніе двухЪ сердецЪ, сіе толь вольное соединеніе, не ужè ли здѣсь принужденно, и день видящи рожденіе онаго, не ужè ли видѣти будетЪ и разрушеніе его! естьли страна сія и таковыя имѣетЪ нравы, то я не измѣню долгу Селимѣ и господину моему. РабЪ, и всего лишенный, сохраняю я еще добродѣтель, единое оставшееся мнѣ сокровище: но ты почтишь ея сама: естьли то правда, что нѣкоторую ко мнѣ ты нѣжность ощущаешь, то сей самой нѣжностію тебя заклинаю; естьли живЪ еще отецЪ твой, или ужè во гробѣ заключенЪ, воспоминаніе его, любезно сердцу твоему, то заклинаю я тебя именемЪ его, скон-

чать

чать мои бѣдствія, и возвратити сына своему родителю."

Сіе ему вѣщающу, изображенная въ очахъ Далукиныхъ любовь въ стыдъ и ярость премѣнялась; черты ея лица измѣнялись постепенно; плѣняющая усмѣшка отъ устъ ея скрывалась, то потупляла свои очи, то воспламененные гнѣвомъ взоры на нечувствительнаго невольника бросала; и какъ страшный громъ прерываетъ вдругъ въ лѣсу пріятное птицъ пѣніе, такъ послѣ сладкаго Іосифова гласа сей страшный слышанъ гласъ. „Неблагодарный! рабъ презрѣнный! ты не достоинъ щастія мною тебѣ предложеннаго. Сердце твое толико низко, колико подло твое состояніе. *Люби* свою Селиму. Она едина можетъ содѣяти твое щастіе: тщетно ты о ней воздыхати будешь; ты въ рабствѣ состарѣешся, и очи твои не узрятъ ея вѣчно." Въ то время выходитъ она изъ сѣни во гнѣвѣ прелютѣйшемъ. Іосифъ остается безгласенъ и трепетенъ, и послѣднія слова ея поражаютъ еще слухъ его. Обремененный симъ нечаяннымъ ударомъ, возвращается онъ въ жилище свое косными стопами.

Между

Между тѣмъ предается Далука ревнивой своей ярости. Какъ огненная нощію комета, носится по неизмѣримому небесъ пространству, и пламенный хвостъ ея робкихъ устрашая поселянъ, летаетъ вдали по темному своду, такъ Далука окомъ блестящимъ отъ мрачнаго огня, возженнаго любовію и злобою, оставя вѣтрамъ растрепанные власы свои, среди нощныя темноты, смятенныя стопы къ садамъ своимъ направляетъ. Вдругъ она останавляется. „О. стыдъ! о униженіе! вопіетъ она: мнѣ ли презрѣніе терпѣти! презрѣніе отъ раба моего! или забыла я гордость моего пола, собственную мою гордость, санъ мой, долгъ мой для того, чтобы слышати ненавистное имя Селимы! предпочтить мнѣ поселянку и мнѣ самой о томъ вѣщати!. . . . Потушимъ любовь недостойную, воспріимемъ прежнюю гордость мою, оставимъ мѣста покою моему вредныя . . . . Ты хощешь воспріяти гордость, и себя уничижаешь! Куда ты пойдеши? нося еще въ сердцѣ зракъ раба своего, предстанешь ли ты супругу своему? не всѣ ли узрятъ стыдъ на челѣ

тво-

твоемъ? Тѣ, коихъ ты нѣжность отвергла, не посмѣются ли твоему безславію?.... Но что мнѣ въ ономъ: послѣ испытаннаго мною безчестія, чего мнѣ болѣе страшиться? Бѣжимъ, лишъ бы очи мои не зрѣли болѣе неблагодарнаго, всѣ мѣста для меня равны. Пусть останется онъ съ пастырьми, пусть онъ стенаетъ тамо, пусть горькія проливаетъ слезы.... Слезы! увы! онъ станетъ меня благополучнѣе; онъ надъ мученіемъ моимъ торжествовати будетъ; избавясь отъ ужаса видѣти меня передъ собою, не устрашится онъ того, чтобъ я пришла возмутить его уединеніе; онъ туда каждый вечеръ приходити станетъ; тамо представляя свою Селиму, онъ будетъ посылати ей тѣ воздыханія, кои мнѣ давати онъ отрекся!... Разрушимъ ту сѣнь, которая ей отъ него посвященна, и гдѣ зрѣла я себя уничиженну; повергнемъ олтарь призванный имъ на оправданіе своего ко мнѣ презрѣнія; слабо сіе отмщеніе, но сердце его тронетъ, и можетъ быть наученъ онъ будетъ страшитися той, которую презираетъ."

Рекла,

Рекла, и къ исполненію своего намѣренія устремляется. Луна преносила въ другую половину круга пріятное лучей своихъ сіяніе, и глубочайшая темнота поля покрывала; тишина воцарилася въ лѣсахъ, въ поляхъ, въ долинахъ; лютѣйшіе звѣри, уставъ страшный изпускати ревъ, спали въ своихъ пещерахъ; противящейся сну, побѣдителю всей природы, единый въ рощѣ соловей на́чалъ самъ къ нему склонятися, и пѣніе его постепенно ослабѣвающее ужѐ болѣе слышимо не было. Далука одна, смущенна, разгнѣванна повелѣваетъ сѣнь Іосифову разрушить. Повелѣніямъ ея повинуются. Ходящая во мракѣ слышитъ она съ радостію стукъ отъ сѣченія сѣкирами раздающейся и эхомъ повторяемый. Подъ частыми ударами два пальмовыя древа̀ потряслися, скрыпнули, и съ страшнымъ упали шумомъ; трепещущая земля отъ того возстенала; птицы свившія гнѣзда свои подъ сею мирною тѣнію, питавшіяся отъ рукъ нещастнаго юноши, веселящіяся въ его жилищѣ и хотѣвшія облегчити его страданіе, испустивъ скорбный гласъ свой, отлетаютъ: Далука, среди

среди ярости своей, нѣкое ощущаетъ веселіе; но Іосифъ, котораго сонъ начиналъ замыкать слабые очи, и коего слёзы не были еще осушенны, пробуждается во ужасѣ. Тако во градѣ долговременною осадою въ крайность приведенномъ, когда нещастные граждане предавшися покою, забываютъ наконецъ свои бѣдствія: вдругъ подземною осадою подрытая упадаетъ башня; весь градъ, отъ глубочайшаго своего основанія до самыя высоты валовъ своихъ, престрашно потрясается, и когда враги внемлютъ ужасному смятенію съ восторгомъ ва́рварскія радости, тогда гражданинъ пробуждается съ трепетомъ, и неминуемую свою зритъ гибель предъ очами.

Пріятная Аврора, украсившаяся розами испускающими благоуханіе свое, по всей поверьхности землѝ, начала̀ являться на востокѣ, когда Далука отъ ярости трепеща, уклоняется отъ сельскихъ своихъ чертоговъ, и стыдъ свой въ стѣнахъ Мемфиса сокрыти отходитъ.

Іосифъ слышитъ съ удовольствіемъ объ ея отшествіи. Въ вечеру упреждаетъ

онъ

онъ часъ, въ который прежде ходилъ онъ во свое уединеніе. Онъ въ нещастіи своемъ чаетъ по крайней мѣрѣ свободно размышляти о Селимѣ, и посвящаемыя ей минуты провести не смущаяся отъ ревности соперницы ея.

Исполненный сими мыслями, достигаетъ онъ до своего убѣжища. Кое удивленіе и скорбь объемлютъ его душу, когда узрѣлъ онъ поверженный олтарь, разрушенную сѣнь и украшающіе оную цвѣты разсыпанные по дерну! Какъ вечеромъ жаждущій успокоенія земледѣлецъ ведетъ тихо въ домъ свой воловъ со плугомъ обращеннымъ, и представляетъ себѣ радость встрѣчающей себя жены своей и ласку нѣжную дѣтей своихъ; но вдругъ громовая стрѣла свергается съ небесъ, онъ зритъ домъ свой пламенемъ объятый, слышитъ умирающіе гласы жены и дѣтей своихъ; блѣднѣетъ, ужасается, неподвижимъ пребываетъ: тако Іосифъ долгое время устремляетъ свои очи на зрѣлище сіе. Онъ бросается потомъ на сіи остатки, объемлетъ оные, и орошая слезами: „возлюбленная сѣнь! вопіетъ онъ, ты, которую посвятилъ я нѣж-

нѣй-

нѣйшимъ возпоминаніямъ, нѣтъ, не вихри разрушили тебя; небеса не лишили бы меня единаго утѣшенія, коимъ въ сихъ мѣстахъ духъ мой наслаждался: здѣсь познаю я ударъ раздраженныя соперницы." Рекъ онъ, и долгое время надъ сокрушенною сѣнію слёзы проливаетъ.

Между тѣмъ добродѣтели Іосифовы, содѣловаемыя имъ прежде сего подъ тѣнію рощи, подобно парамъ благоуханнымъ, кои возходя съ полей не мѣшаются съ нечистымъ градскимъ воздухомъ, развѣ вихремъ туда бываютъ заносимы. Сіи кроткія и мирныя добродѣтели становятся знаемы въ Мемфисѣ и достигаютъ до самого Пентефрія. Сей великодушный и человѣколюбивый вельможа хощетъ разрѣшить оковы добродѣтельнаго невольника, и въ чертоги свои его призываетъ. Іосифъ отъ сего веленія въ глубокую повергается печаль. Не оставя еще пастырскихъ хижинъ, возвращается онъ въ пустынное свое жилище. Тамо устремя очи свои на мѣсто своего уединенія: „прости, рекъ онъ, прости олтарь, толикими слезами орошенный;

прости, возлюбленная сѣнь, коей и остатки еще мнѣ драгоцѣнны. Исторгаютъ меня отъ сихъ мѣстъ прежде нежели возмогъ паки возставити тебя. Я чаялъ разстатися съ тобою токмо для того, чтобы видѣти домъ отца моего, а нынѣ въ средину града иду вторые терпѣти рабство. Можетъ быть, поставятъ мнѣ тамо новыя сѣти, и добродѣтель моя . . . пребудетъ вѣчно таже, возлюбленная Селима! клянуся на сихъ остаткахъ олтаря и сѣни, кленуся быти вѣчно тебѣ вѣренъ."

Произнеся сіи слова, взираетъ онъ еще на мѣста сіи слезящими очами; ноги его не хотятъ служити ему удаляющемуся отъ сего жилища. Наконецъ онъ отходитъ, и кажется ему, что въ другой разъ отторгаютъ его отъ отца и отъ Селимы. Послѣ сего прощается онъ съ друзьями своими; объемлетъ ихъ нѣжно; обѣщаетъ приходити иногда къ нимъ, утѣшатися ихъ бесѣдою: пріятныя слезы дружества текутъ изъ всѣхъ очей. Онъ возпріялъ путь свой къ Мемфису тихими стопами.

Отсутствіе, соединенное съ силою добродѣтели, которая въ первый разъ еще по-

поколебавшись съ большею возстаетъ крѣпостію, начало исцѣляти сердце Далуки, подобное юному пальмовому древу, которое уступивъ вѣтрамъ, и коснувся землѣ гордѣливымъ своимъ верьхомъ, вдругъ возстановляется, ожесточаетъ противъ ихъ пень и вѣтвія свои, устремляетъ глубже корень свой въ землю, и возгордясь симъ первымъ успѣхомъ, самого борея презираетъ. Вседневно старалася она отъ любви своей изходатайствовати отшествіе нещастнаго Іосифа. Предпріявъ наконецъ сіе великодушное намѣреніе, побѣждала ужè она послѣднія свои воздыханія, какъ вдругъ Іосифъ ея очамъ явился. Симъ видомъ возмутилася душа ея; не смѣетъ она воззрѣти ни на супруга своего, ни на юнаго раба, который съ своей стороны не можетъ также видѣти ея безъ смущенія. Пентефрій долгое время взираетъ на Іосифа. „Сколь много судьбина погрѣшила, рекъ онъ, подвергнувъ тебя бремени рабства! Не вѣдая сего бралъ я самъ участіе въ ея неправосудіи: живи со мною, я хощу наградить твое терпѣніе и одарити тебя благодѣяніями." По сихъ словахъ

хотѣлъ Іосифъ изъяснити свою благодарность; но кромѣ воздыханія ничего не могъ произнести; терзающееся сердце Далуки съ нимъ купно воздохнуло.

Любовь возпріяла въ немъ все свое владычество. Вседневно зритъ она Іосифа; въ единыхъ съ нимъ живетъ чертогахъ; не смѣетъ съ нимъ промолвить, но взоры ея непрестанно на немъ остановляются; прещастлива тогда, когда встрѣчаетъ его очи! Трепещетъ она отъ единыя мысли лишитися сея слабыя отрады: не сражаясь болѣе съ той страстью, которую она побѣдить была ужѐ готова, уступаетъ она всѣмъ ея прелестямъ; и кромѣ любви ничего не ощущаетъ. Иногда ласкаетъ себя тѣмъ, что Іосифъ, удаленный отъ того жилища, гдѣ все возпоминало ему Селиму и домъ родительскій слабо станетъ ей сопротивляться. Въ семъ ложномъ мнѣніи тѣмъ паче она себя утверждала, что самъ онъ пронутый нещастіемъ любви, обращалъ иногда къ ней жалостные взоры; сіе изображеніе чистосердечнаго сожалѣнія, принимала она за дѣйствіе раждающейся страсти. Ходя въ саду близъ своихъ чертоговъ,

во-

воображаетъ она нѣжные его взоры, сіе единое любви своей возмездіе, питающее въ сердцѣ ея огнь, коимъ она была снѣдаема.

Іосифъ, негодуя быти стѣнами окруженный, и желая бѣжати смятенія, шествовалъ въ сей великолѣпный садъ, и тамо не обрѣлъ природы. Вмѣсто сихъ цвѣтовъ искусствомъ учрежденныхъ, очи его хотѣли зрѣти зеленый лугъ, на коемъ изъ среды богатаго дерна возстаетъ какъ бы лѣсъ цвѣтовъ прекрасныхъ, среди коихъ веселится взоръ нашъ, и которыхъ прельщающій очи блескъ укрощенъ основаніемъ пріятныя зелени. Узрѣвъ древеса, коимъ опредѣлено то разстояніе, куда вѣтви свои дерзаютъ онѣ распростерти, удивленный Іосифъ остановляется. „Увы! рекъ онъ, человѣкъ не единъ покоренъ человѣку, и вы также рабства моего участники. Гдѣ вы? блаженные кедры! предложившіе мнѣ во убѣжище вольную сѣнь свою, подъ которою я свободою наслаждался?" Предався таковому размышленію, узрѣлъ онъ быстрые водные токи, кои исторгаясь изъ нѣдръ земныхъ, бьютъ въ воздухъ съ шумомъ, высочайшій лѣсъ

превышаютъ, и пѣнящимися верьхами своими, кажутся поражати сводъ небесный. Паче удивленъ, нежели тронутъ симъ зрѣлищемъ, воздыхаетъ онъ о источникѣ простомъ, слѣдующемъ естественной своей преклонности, изтекающемъ изъ зеленыя рощи, свѣтящемся въ долинахъ, и несущемъ съ пріятнымъ журчаніемъ свои ясныя и хладныя воды.

Свѣтило дневное достигло до средины своего теченія, и воздухъ и земля казались отъ лучей его зажженны. Далука удалилась въ миртовую рощу, какъ бы нарочно любви посвященную. Коверъ изъ мягкаго и душистаго дерна устилалъ землю. Въ самомъ концѣ рощи видна была Венера въ объятіяхъ Марса: хладный марморъ изображалъ весь жаръ ихъ страстнаго восторга: слыша листвія тихо помавающія, слыша прерывающееся теченіе источника, мнится, слышати воздыханіе и пріятное трепетаніе сихъ безсмертныхъ: миртъ пустилъ внити туда свѣтъ нѣжнѣйшій свѣта луннаго: прелестное дыханіе зефировъ казалось дыханіемъ любви, и птицы привлеченныя въ сіе убѣжище, услаждали тамо свое пѣніе.

Изне-

Изнеможенная любовію лежала Далука возлѣ сего о́браза, и на оной алчный взорЪ свой устремила, воздохнувЪ изЪ глубины се́рдца. „Богиня! рекла она слабымЪ и трепещущимЪ гласомЪ; о коль блаженна ты имѣя возлюбленнаго вЪ своихЪ объятіяхЪ; а я едина воздыхаю, и мое собственное желаніе, мое сердце ставитЪ преступленіемЪ . . . Но ты тщетное терзаніе совѣсти истребляешь. Я могу быти равно тебѣ благополучна. Богиня! внемли моленію моему: ты родила во мнѣ огнь, показуя мнѣ образЪ сего нечувственнаго смертнаго; естьли бЪ ты мнѣ и сама не повелѣла, я и безЪ того любила бы его; но прежде нежели я его узрѣла, ты сей жестокій ядЪ излила вЪ сердце мое: ты конечно сама скорбѣла о моемЪ мученіи, и безЪ сомнѣнія смягчила ты гордѣливѣйшую душу: коликую страсть должна ты вЪ него вселити, наказуя холодность его се́рдца! Скончай побѣду надЪ симЪ суровствомЪ толь долго супротивляющимся."

Едва изрекла она сіи слова̀, ужѐ ІосифЪ, уклоняющійся отЪ солнечнаго жара, приближается кЪ той рощѣ. Взи-

рая на сіи мѣста предается онъ сладкому унынію, и воздохнуло его сердце. „Венера! молитва моя услышана тобою, рекла Далука, ты сама ведешь его ко мнѣ."

Приступивъ къ ней пораженъ онъ сталъ удивленіемъ. Лежащая на дернѣ, гдѣ черные власы ея по цвѣтамъ развѣвались, возвела она на Іосифа взоръ свой, въ коемъ царствовало, то возхищеніе пламенной души, то сладострастное изнеможеніе. Она была тогда прекраснѣе всѣхъ дней: любовь оживляла увядшій ею цвѣтъ ея лица: воздыханія подъемля прекрасную грудь ея, отверзали ея, и умирая на румяныхъ устахъ ея, возпріяти себя призывали: всѣ прочія прелести покровенны были легкимъ флеромъ, который зефиры играя возвѣвали: тако дыханіе ихъ открываетъ сокровенную красу раждающейся розы: тако изображается Наяда (*), одѣянная во единый кристалъ колеблющихся водъ.

Не смотря на толикія прелести, Далука не смѣетъ еще ласкати себя, чтобъ оныя однѣ торжествовали. Она ука-

(*) Наяда нимфа въ рѣкѣ обитающая.

указуетъ Іосифу Венеру съ Марсомъ нѣжно соединенную. „Воззри на сіе зрѣлище рекла она; се боги предстоятъ очамъ нашимъ; они любятъ другъ друга; любовь составляетъ ихъ главное блаженство; мы можемъ вознестися до ихъ щастія, подражая симъ восторгамъ.... Приди...." вѣщая сіе отверзаетъ ему свои объятія, и вся любовь владѣющая ея сердцемъ входитъ въ ея взоры.

Іосифъ взираетъ то на жену Пентефріеву, то на марморъ нѣжностію дышущіи, то на сіи волшебныя мѣста. Коликими сѣтьми окружаетъ его роскошь! Полдневный зной вселялъ въ ду́шу пріятное изнеможеніе: птицы, подъ тѣнь сію уклонившіяся, предаваяся любви, прерывали свои пѣсни; мирты, казалось, веселіе ихъ ощущали, и листвія свои тише помавали: зефиры остановили свое непостоянство, и цвѣты отъ ласки ихъ ужѐ не отревались: въ сей общей тишинѣ единый языкъ се́рдца былъ внимаемъ. Іосифъ чувствуетъ себя остановленна въ семъ жилищѣ; очи его смягчаются; Далука торжествуетъ: но вдругъ непорочность и о́бразъ Селимы обновился въ сердцѣ сына Іаковля, онъ свирѣпымъ

воззрѣвъ на нея окомъ стремится бѣжати отъ сѣтей толикихъ. Она хощетъ удержати его за ризу, но онъ утекаетъ, и риза его осталася въ рукахъ жены Пентефрїевой.

Смущенна, неподвижна, долгое время въ молчанїи пребываетъ. Внезапу мрачная ярость возгорѣлась въ очахъ ея, и возкипѣла въ ея груди, колеблющейся прежде отъ любовныхъ воздыханїй. „Венера! возопила она страшнымъ гласомъ, ты зриши; предъ образомъ твоимъ прїяла я сїе поношенїе. Отмсти меня, казни неблагодарнаго . . . . Но я накажу его сама: онъ умретъ: я пролїю токмо кровь рабскую."

Іосифъ, бѣжащїй отъ сихъ мѣстъ встрѣчается съ Пентефрїемъ. Онъ упадаетъ къ ногамъ его, и объемля колѣна его рекъ ему: „естьли бъ не имѣлъ я тѣснаго союза, немогущаго сердцемъ моимъ разрѣшитися, то всѣ бы желанїя мои ограничены были только тѣмъ, чтобъ до конца жизни моея служити толь добродѣтельному мужу. Но я имѣю отца, и юная Селима владѣетъ моимъ сердцемъ: въ день брака моего я проданъ былъ моими братїями. Сжалься

надъ

надъ бѣдствіемъ моимъ, надъ юностію моею, надъ старостію Іакова, надъ слезами Селимы: возврати меня дому родительскому; отецъ мой дастъ тебѣ цѣну моего изкупленія; а естьли отречешься ты исполнить мое моленіе, то хотя повели мнѣ возвратитися къ твоимъ пастырямъ: странно мнѣ жилище градское; я на сихъ поляхъ обрящу единое блаженство, коимъ наслаждаться я могу удаленный отъ Селимы и родителя."

Нѣжное человѣчество составляло свойство души Пентефріевой. Подвигнутый прощеніемъ и слезами Іосифа: „возможно ли, вѣщаетъ онъ ему, чтобъ думая наградити твои заслуги извлекши тебя изъ низскаго состоянія, усугубилъ я тѣмъ твое мученіе! Неволею я лишаюся тебя; но, блаженъ содѣловаяй щастіе твое и ближнихъ твоихъ, возвращаю я тебя въ домъ, гдѣ все то соединенно, что тебѣ любезно. Ты раздражаешь меня, предлагая мнѣ свое изкупленіе, или не чаешь ты во мнѣ способности къ дѣйствію безкорыстному, или собственныя твои заслуги не свобождаютъ еще тебя отъ рабства? Кое злато сравнится съ той цѣною, которую платили

мнѣ твои добродѣтели? Возьми единаго отъ верьблюдъ моихъ; иди обьяти отца твоего; иди отерти слёзы Селимы. О коль блаженъ Іосифъ! ты нѣжно любимъ будешь!"

Симъ словомъ пришелъ Іосифъ въ возхищеніе: отверстыя уста его не могутъ изобразити множество тѣхъ чувствованій, коими сердце его было отягченно: онъ устремилъ очи на своего благодѣтеля, и слёзы, текущія по ланитамъ его, были единымъ изреченіемъ его благодарности. Пентефрій простираетъ къ нему руку, возставляетъ его, и прешедъ разстояніе поставленное гордынею между рабомъ и господиномъ, отверзаетъ ему свои обьятія. Іосифъ въ оныя стремится, и не можетъ съ нимъ проститися иначе, какъ прерывающимся гласомъ.

Далука, лежащая еще подъ миртами, помышляла объ отмщеніи, когда вошелъ къ ней супругъ ея. „Ты зришь еще слёзы мои, рекъ онъ ей приближаяся; Іосифъ свободенъ; я съ нимъ ужè простился; въ сію минуту онъ отъ насъ отходитъ, и въ домъ отца своего возвращается . . . . Но отъ чего гнѣ-

гнѣвомъ возпаленны твои очи? Какое смятеніе объяло твою душу? . . . Чья сія одежда? Я познаю ризу Іосифову . . .”

Душа Далуки терзалась огорченіемъ и яростію не долго: но тѣмъ сильняе возколебляясь, побѣдила ея злоба. Принужденная къ собственному своему обвиненію, или къ возведенію на Іосифа ненавистнаго злодѣянія, раздраженная зря его мести ея избѣгающа, ярость исторгаетъ сіи слова изъ глубины ея сердца. „Іосифъ! неблагодарный! дерзновенный! онъ торжествуетъ, онъ удаляется, отмсти мою обиду . . . Сія риза и бѣгство его не довольно ли тебѣ всѣ наглости его являютъ?”

Пентефрій отъ удивленія и гнѣва сталъ неподвижимъ. Способенъ возкипѣти вдругъ ревностію, обожалъ онъ супругу, которая, не отвѣщая его страсти, была до сего непорочна, и брачныя узы чтити казалась. Воображаетъ онъ бѣгущаго Іосифа, блѣдна, тороплива. „Великій Боже! возопилъ онъ, толико притворства возможетъ ли внити въ человѣка! когда проливалъ я слезы о вымышленной бѣдствѣ его повѣсти, когда похвалилъ я его непорочность,

когда

когда я обнималъ его, сей вѣроломный! сей подлый рабъ!... Но я кленуся тѣмъ, что есть всего священнѣе на свѣтѣ, кленусь не попустити зла сего безъ отмщенія." Въ самое то время стремится онъ въ свои чертоги, и познавъ путь Іосифа, послалъ воиновъ гнати за нимъ въ слѣдъ.

Іосифъ отшествіемъ своимъ не медлилъ. Сѣдя на верьблюдѣ приближался онъ къ полямъ съ поспѣшностію, и бѣжалъ съ веселіемъ жилища толь шумнаго коль нещастнаго. Онъ противополагалъ ему пріятности мирнаго обиталища, гдѣ жизнь свою вести будетъ неразлучно съ отцомъ и супругою, и гдѣ все, даже до самаго разкаянія братіи его, поможетъ ему непорочность сохранити. Онъ твердо предпріялъ не приносити имъ ни единыя жалобы, и не повѣдати вѣчно ни Селимѣ ни Іакову истинной повѣсти своего нещастія. Когда предався пріятному таковыхъ мыслей теченію, чаетъ онъ каждою стопою приближатися ко своему блаженству, вдругъ пришли ему на мысль други его оставленные въ пастырскихъ Пентефріевыхъ хижинахъ: прежде отше-

шествія своего хощетъ онъ обняти ихъ, повѣдати имъ о своемъ щастіи, и воззрѣти еще на жилище своего плѣненія: есть нѣкія узы привлекающія чувствительныхъ людей къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они о бѣдствіи своемъ слёзы проливали.

Не весьма отдаленный отъ пастырей шествуетъ онъ къ нимъ: едва туда вступаетъ, уже всѣ они окружаютъ его, и радостныя изъявляютъ возхищенія. „О други! рекъ онъ, вы зрите меня въ послѣдней уже разъ; всѣ бѣдствія мои скончались. Пентефрій, добросердечнѣйшій вельможа, пролилъ слёзы о моемъ нещастіи; отверзъ мнѣ свои объятія; я ощутилъ нѣжное человѣчество въ трепетѣ сердце мое приведшее; онъ возвѣстилъ мнѣ мою свободу. Сколь ни истинна радость моя, но я оставляю васъ не безъ сожалѣнія. Дружба, добродѣтель и нещастіе суть священныя узы насъ соединившія. Я отхожу, и васъ въ рабствѣ оставляю! но я ласкаю себя тѣмъ, что ваши оковы не будутъ вѣчны. Продолжайте посвящати труды ваши господину, жалѣющему о судьбѣ нещастныхъ, и знающему

му награждати добродѣтель." По сихъ словахъ прежде скорбь на челахъ ихъ изобразилась; но скоро потомъ забывъ себя сами, пріемлютъ они участіе въ удовольствіи Іосифовомъ; слезы ихъ останавливаются; они радуются, объемлютъ его: но онъ всѣхъ долѣ въ объятіяхъ Итобала остается.

Во время нѣжнаго ихъ разлученія, приближается къ нимъ множество людей вооруженныхъ, коихъ свирѣпый взоръ возвѣщаетъ жестокое веленіе. Они окружили пастырей, и единый изъ нихъ обращься ко Іосифу: „рабъ недостойный милости господина своего! рекъ ему страшнымъ гласомъ, обратися въ ничтожество; Пентефрій повелѣваетъ тебѣ послѣдовати намъ во мрачнѣйшую темницу." Рекъ онъ: и всѣ радостныя и нѣжныя возхищенія пресѣклись, Іосифъ, какъ бы громовою стрѣлою пораженный, падаетъ въ руки пастырей съ нимъ равно возмущенныхъ: сладкое веселіе изчезаетъ въ очахъ его, и румянецъ лица его премѣнился вдругъ въ смертную блѣдность. Тако юный герой, отходя съ мѣста сраженія, на коемъ явилъ храбрость свою, пріемлется у

вратъ градскихъ съ восторгомъ, какъ среди нѣжнаго объятія согражданъ и ближнихъ, сокрытый за рощею врагъ поражаетъ его смертнымъ ударомъ; онъ падаетъ на землю; дерзость побѣды гаснетъ въ умирающихъ очахъ его; кровь течетъ по лаврамъ увѣнчавающимъ чело его, и сплетенныя руки, радость и нѣжность прежде изъявляющія, вмѣсто единыя подпоры ему служатъ.

Пришедъ въ себя Іосифъ: „что слышу я, рекъ онъ слабымъ гласомъ, сіе веленіе изторгающее меня вдругъ отъ щастія.... Слезы ваши утверждаютъ оное.... О други! престаньте смягчатися судьбиною моею... Безъ сомнѣнія ужасно... Но сердце мое создано къ бѣдствію. Простите... Чаялъ ли я тако проститися съ вами!...“ Воздыханія прерываютъ гласъ его.

Пастыри, пришедъ въ себя отъ перваго удивленія, обращаютъ на него взоръ свой, какъ бы для познанія изъ очей его, истинно ль онъ обвиняемъ: но невинность и добродѣтель являющіяся на всѣхъ чертахъ лица его, разгнали тѣ подозрѣнія, кои могли произвести Пенте-

шефріевы милости. Тогда стенанія свои соединяютъ они съ воздыханіями друга своего. Прежде восхотѣли они удержать его силою: Итобалъ паче прочихъ, не взирая на моленія Іосифа, отличалъ себя своею дерзостію: но вся сила ихъ стала безполезна, и когда изъявляли они отчаяніе, соединяя роптанія свои съ гласомъ скорьби своея, тогда множество вооруженныхъ исторгаютъ изъ рукъ ихъ нещастнаго, и влекутъ его за собою.

Прежде напечатанія сей книги многіе люди, имѣющіе вкусъ, прочитавъ сію третію пѣснь, учинили мнѣ такое возраженіе, на которое отвѣтствовать я за должность почитаю. Призываніе Луны, говорили они, и образъ Венеры съ Марсомъ украшаютъ твои картины; но надлежитъ оное перемѣнить, ибо сіи боги у Египтянъ не были извѣстны. Я готовъ былъ съ ними согласиться. Между тѣмъ читалъ я Геродота, и на каждомъ листѣ вторыя книги нашелъ я то, чемъ оправдать могу мои вымыслы. Я ненамѣренъ внести сюда кромѣ малаго числа таковыхъ мѣстъ.

„Первые Египтяне нашли имена двунадесяти боговъ, и Греки оныя имѣютъ отъ Египтянъ; они первые воздвигали богамъ олтари, дѣлали ихъ кумиры, и строили имъ храмы."

„По-

„Почти всѣ имена боговъ пришли въ Грецію изъ Египта. Я нашелъ сію истинну тогда, когда освѣдомлялся о томъ, правду ли иные говорятъ, что оные пришли къ намъ отъ Варваровъ."

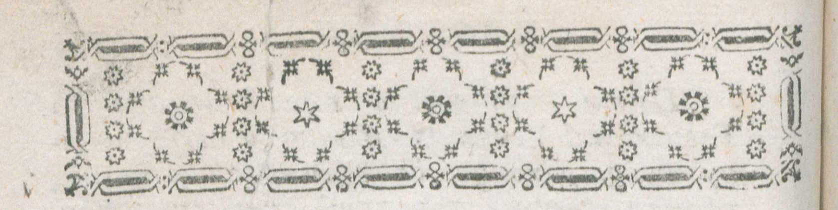
Въ Протеевомъ храмѣ былъ жертвенникъ Венеры."

„Египтяне имѣютъ оракулы Геркулеса, Аполлона, Діанны, Марса, Юпитера, Латоны."

„Въ городѣ Саисѣ бываютъ праздники въ честь Минервы, въ Геліополѣ въ честь Солнцу, въ Папимѣ въ честь Марсу."

Мнѣ можно бы еще на прочія мѣста сослаться, естьли имена боговъ идутъ отъ Египта, то можно думать, что большая часть басенъ отъ нихъ же происходитъ: въ толь глубокой древности трудно познать прямое ихъ начало. Я не думаю, чтобъ захотѣлъ кто уничтожать здѣсь Геродотово свидѣтельство; ибо въ пріятномъ и вымышленномъ сочиненіи можетъ и оно имѣть довольную важность.

ІОСИФЪ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

* * *

Іосифъ шелъ посреди воиновъ въ глубокомъ молчаніи: угасшія его очи слезъ не проливали, блѣдныя и трепещущія уста его ни единыя не вѣщали жалобы: вся скорбь его въ сердцѣ углубилась: вопль и стенанія пастырей, проницая слухъ его, умножали паче души его смущеніе: онъ къ нимъ обращается, и взорами своими изъявляетъ имъ свою благодарность. Скоро не слышитъ онъ болѣе ихъ вопля, и окрестъ себя зритъ единыхъ лютыхъ стражей, вооруженныхъ сверкающими мечами; онъ

онъ изпрашиваетъ по́мощи у острїя мечей сихъ, и хощетъ, чтобъ въ грудь его обращенные свободили они его отъ сего тяжкаго бремени. Тако стражею окруженный вошелъ онъ въ Мемфисъ. Всѣ очи стали на него обращенны. Юность, кротость, невинность на лицѣ его свѣтящїяся, и унынїе души его смягчаютъ сердца̀ всѣхъ зрителей; многїе изъ нихъ слéзы проливаютъ.

Между тѣмъ приходитъ онъ къ темницѣ, коея мрачныя башни подобны были изображающимся при входѣ въ тартаръ; тамо слышенъ былъ такожде звукъ цѣпей тяжкихъ подъемлемыхъ нещастными: темничный стражъ, коего свирѣпый взоръ возвѣщаетъ быти начальника казней, отверзаетъ двери темницы глубокїя. Воззрѣвъ на сїе страшное жилище, подобное чернымъ пучинамъ земли сея, возтрепеталъ Іосифъ отъ ужаса: но принужденны туда снити, услышалъ онъ затворяющїяся за нимъ желѣзныя врата, и узрѣлъ потóмъ единаго себя среди мрачныя нощи. Почти бездыханенъ упадаетъ онъ на бѣдный одръ; очи его затворяются; оледѣневшая кровь течетъ въ жилахъ его тише,

и отъ безмѣрной его скорьби прекратилось нѣсколько лютое его страданіе.

Неподвижимъ, остается онъ доутрія въ таковомъ состояніи, и вмѣсто сна, объемлетъ его нечувственность смерти. Начавъ приходити въ себя, и отверзая слабыя очи зритъ онъ единую страшную темноту, стенаетъ, и стонъ его по глубокимъ сводамъ жалостнѣйшимъ отзывомъ повторяемый, кажется скорбнымъ гласомъ, и долженствующимъ умножати ужасъ нещастнаго въ семъ жилищѣ заключеннаго. „Великій Боже! рекъ онъ наконецъ, не сонъ ли страшный терзаетъ мою душу къ плачевнымъ мечтаніямъ издавна пріобыкшую?" Въ то время ослабѣвшія руки его осязаютъ очи его, одръ и стѣны темницы. „Увы! продолжаетъ онъ слово свое прерывающимся гласомъ, бѣдствія мои въявѣ совершаются . . . . Когда чая всѣ мои нещастія скончати, спѣшилъ я исполненный радостію къ родителю и возлюбленной . . . . Се жилище злодѣянія! . . . И я въ немъ обитаю! . . . Я! бѣжащи сѣтей поставляемыхъ моей непорочности! . . . И сей ударъ идетъ отъ тебя, Пентефрій велико-

ликодушный! отъ тебя, который прервалъ мои оковы, который обнялъ меня искренно, прощаяся со мною, проливалъ слёзы!. . . Не ужѐ ли оскорбленная любовница привлекла тебя къ сему жестокосердiю? Но можетъ ли любовь привести къ толикой злобѣ, и умерщвляютъ ли того, къ кому сердце любовь ощущаетъ?" Скорбь прервала здѣсь мыслей его теченiе.

Долгое время пребываетъ онъ въ молчанiи. Стенанiя и вопль нещастныхъ заключенныхъ въ семъ жилищѣ, пронзаютъ раздѣляющiя его съ ними стѣны, и слухъ его поражаютъ; тако раздается по темному лѣсу ревъ зверей лютыхъ, и крикъ нощныя птицы. „Не о тебѣ токмо я жалѣю, рекъ онъ паки, о сѣнь поставленная на мѣстѣ моего рожденiя, отъ коей удаленный нѐ могу я вкушати блаженства; я о тебѣ еще жалѣю, о сѣнь, въ которой претерпѣвалъ я рабство, почитаемое мною сборищемъ всѣхъ золъ . . . . Жалѣю я о васъ, возлюбленные други! трудившiеся отгнати печаль мою, и въ коихъ обрѣлъ я нѣжность братскiя любви . . . . Жалѣю о тебѣ, жилище посвященное воз-

поминанію любви нещастной, и гдѣ вкушалъ я пріятность проливати слезы . . . . И ты чужое стадо, кое собственнаго мѣсто заступило и подвигнувшись моимъ страданіемъ на жалость, ходило окрестъ меня печально, и ты пріемлешь нѣкое въ тоскѣ моей участіе . . . . Нынѣ живу я въ уединеніи страшнѣйшемъ всѣхъ степей ужасныхъ: живъ заключенъ я во гробѣ . . . . Можетъ быть, возходитъ днесь аврора; но не для меня возходъ ея; исторженный отъ всея природы, окруженъ я вѣчною нощію . . . . Гдѣ вы, о птицы! собранныя въ мое жилище, вѣрныя грусти моей соучастницы, и коихъ сладкое пѣніе способствовало току слезъ моихъ? . . . Гдѣ вы, благопріятные зефиры! Вы, кои во время изнеможенія моего отъ скорьби, ко мнѣ прилетая несли отвсюда ароматы, и томное мое дыханіе оживляли? . . . Нынѣ я окруженъ нечистыми парами, коими дышутъ лютые злодѣи! . . ." По семъ во мрачное и безгласное уныніе паки Іосифъ упадаетъ.

„О братія моя! вдругъ возопилъ онъ, бѣдствія мои превзошли конечно

тѣ,

тѣ, кои вами мнѣ опредѣленны! Естьли бъ вы еще ненавидѣли меня, естьли бъ вы желали моей смерти, вы бы и тогда слыша повѣсть золъ моихъ возрыдали!.. . Но я ласкаю себя быти отъ смерти не далеко. Гробъ! злачное мѣсто людей нещастныхъ! когда я окруженъ буду мирною тѣнію твоею! ты будеши отцомъ моимъ, моею возлюбленною, и я въ нѣдрахъ твоихъ спокойствіе обрящу . . . Но я не буду погребенъ возлѣ праотцевъ моихъ; Іаковъ не затворитъ очей моихъ; Селима не пріиметъ послѣдняго моего воздыханія; умирающіе взоры мои не обратятся на Веніамина; не узна́ютъ братія моя, что я ихъ прощаю; не окропятъ они гробъ мой слезами своего разкаянія, и дражайшія мнѣ ру́ки не усыплютъ его цвѣтами; онъ будетъ удаленъ подобно какъ бѣдные . . . . Ахъ! что вѣщаю я нещастный? Имѣю ли я еще родителя? Имѣю ль я любовницу? Іаковъ! Селима! могли ли вы снести толикія ско́рьби? Увы! мы всѣ ужѐ погибли; днесь дыханіе меня еще оживляющее угасаетъ: но разсыпанный прахъ нашъ тщетно соединенъ быти хощетъ!"

Таковы были плачевныя мысли, въ кои погружается душа его. Нынѣ всѣ свои бѣдствія онъ сталъ воображати, то слѣдуетъ онъ ихъ теченію, отъ первыя искры ненависти братей своихъ до сего послѣдняго злоключенія. Тако нещастный, низринутый съ верьху горъ Алпійскихъ, катится изъ бездны въ бездну до самыя страшныя пучины, которая, кажется, до среднія точки земли достигаетъ, гдѣ око смертнаго последовати ему уже не можетъ, и гдѣ никто вопля его болѣе не слышитъ. То бѣдствія его, какъ стекшіяся волны разъяреннаго моря, представляются вдругъ воображенію, и погрузити его кажутся. Тогда душа его, могущая едва сносити представленіе каждаго зла своего, становится слаба противу страшнаго вида всѣхъ ихъ купно соединяющаго; онъ бросается съ одра своего, метается по землѣ, и темничные своды вопль его повторяютъ: ужасное молчаніе послѣдуетъ сему воплю: скоро потомъ оживляется отчаяніе во глубинѣ его сердца, и на уста его изходитъ вдругъ какъ бы чрезмѣрною своею скорбію устрашенный онъ оста-

остановляется. „Великій Боже! вопіетъ нещастный, мои ли уста вѣщаютъ роптаніе слухъ мой поразившее! О тѣнь Авраама и Исаака! и ты, можетъ быть, тѣнь отца моего! естьли носитеся вы окрестъ меня, зрѣти, коль бодрственно сношу я мое страданіе, что помышляете вы о малодушіи, которому сынъ вашъ нынѣ предается?"

Сіе ему изрекшу, внезапу изъ глубины темницы является ему свѣтлое видѣніе; сей былъ почтенный старецъ: кротчайшая добродѣтель и многихъ вѣковъ мудрость изображенны на лицѣ его: сквозь начертавшихся на челѣ его морщинъ сіяетъ спокойное веселіе: важность его взора, величество хожденія его, и сѣдая брада, до пояса досязающая, вселяли истинное къ нему благоговѣніе. Приступивъ ко Іосифу, возводящему на него робкія очеса свои: „Ты зриши, рекъ онъ ему, тѣнь Авраама, пришедшаго судити и укрѣпити твою непорочность. Не изнемогай, сыне мой! возпріими прежнюю души твоея крѣпость. Самъ познахъ бѣдствія, возмогохъ побѣдити оныя. Но ты не остановляй взора своего, на единыя смертныхъ

стныхъ добродѣтели: призови Творца своего; отъ небесъ снидетъ въ душу твою непобѣдимая твердость: онъ гласу твоему внемлетъ, хотя бы ты возвалъ его изъ самыхъ глубочайшихъ пропастей земли."

Сіе вѣщая старецъ, и устремя на Іосифа очи свои, въ коихъ по чредѣ царствовало сожалѣніе и твердость, подаетъ ему руку и подъемлетъ его. „Возлюбленная тѣнь! возопилъ нещастный, потщуся быти тебя достойнымъ." Хощетъ продолжати слово свое. Но видѣніе изчезаетъ.

Іосифъ не вѣдаетъ, истинно ли явленіе сіе, или было оное дѣйствіемъ души смятенныя скорбію. Но онъ гласу сему повинуется, и простершись на землю, гдѣ изъявлялъ прежде свое отчаяніе, приноситъ усердную молитву.

Далеко отъ міровъ, ходящихъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, стоитъ возвышенный престолъ превѣчнаго, откуда оныя таковымъ кажутся прахомъ, каковый летаетъ въ воздухѣ при солнечныхъ лучахъ: престолъ сей окруженъ небесными умами славящими Создателя: моленіе мудраго проницая крѣпчайшіе пре-

предѣлы, доходитъ до сихъ мѣстъ, и соединяется съ симъ небеснымъ пѣніемъ тогда, когда мольбы строптивыхъ вихрями бываютъ разносимы, и на землѣ изчезаютъ.

Моленіе Іосифа возходитъ къ престолу величія, и совокупляется съ небесными пѣсньми, превѣчный ему внемлетъ. Тогда утѣшеніе съ нѣжнымъ и жалостнымъ окомъ, съ яснымъ челомъ надежда, и нерушимый миръ, спутникъ невинности, сходятъ на благоуханномъ облакѣ, побѣждаютъ темничные своды, и нещастнаго окружаютъ. Тако, въ тишинѣ прекраснаго вечера, каплетъ съ небесъ сладкая роса, которая удобряя поля, несетъ ароматы, прохлаждаетъ сѣнь земледѣльца, отягченнаго трудами, и спокойный сонъ ему уготовляетъ. Іосифъ въ сердцѣ своемъ неизвѣстную ощущаетъ силу; бремя его отягощающее постепенно уменьшается; онъ сталъ свободнѣе дышати; удивляется тому, что слезы проливати можетъ. Скоро сонъ, склоняя его очи, слезный токъ остановляетъ, и приноситъ ему блаженное всѣхъ золъ его забвеніе.

Между

Между тѣмъ Далука хощетъ торжествовати, и мщеніемъ своимъ насладитися: но сама она чудится своимъ чувствованіямъ, хотѣнію сему сопротивляющимся. Какъ огнедышущая гора, изъ пучины бурнаго моря, бросаетъ пламень не могущи отъ возмущенныхъ погаснути водъ, тако сердце ея пылаетъ, и колеблется между раскаяніемъ и яростію. „Могу ли я жалость ощущати, рекла она, жалость къ неблагодарному! къ рабу зрѣвшему стыдъ на лицѣ моемъ!... Но сей рабъ, сей неблагодарный, есть Іосифъ, единый изъ смертныхъ могущи сердце мое тронуть.... Ахъ! что я сотворила? Я стала убіица невинности! Виновна предъ супругомъ и возлюбленнымъ, вмѣсто подражанія чистѣйшей непорочности, я ея оклеветала! Нещастные люди суть священны: но ни бѣдствія его, ни пріятность, ни юность, ни всѣ его прелести не могли спасти его отъ моея злобы! Поди нещастная, поди, вонзай кинжалъ въ сердце его, насыщай кровію его очи свои, и зри его безъ слезъ испускающаго послѣднее воздыханіе....О, Селима! уже ли приведена я завидовати красотѣ тво-

твоей, состоянію и самой твоей скорьби? Ты оплакиваешь своего возлюбленнаго; но ты имъ любима, и нещастія его не суть дѣло твое . . . . Можетъ быть, въ сію минуту онъ умираетъ, можетъ быть, нѣтъ его на свѣтѣ, и смерть изторгла его отъ моея лютости."

Рекла, хощетъ видѣти нещастнаго, и не смѣетъ предстати его взору. Часто во время нощныя темноты, изходитъ она изъ своихъ чертоговъ, и шествуетъ къ темницѣ: но едва къ оной приступаетъ, уже остановляется, чаетъ слышати стенанія Іосифа, леденѣетъ кровь ея, и объятая страхомъ бѣжитъ она отъ темницы. Тако нощію, нещастный убійца, привлеченный какъ бы неволею, на гробъ убіеннаго имъ человѣка, предается отчаянію терзающему сердце его; вдругъ чаетъ онъ слышати стенанія жалующіяся тѣни; трепещетъ; власы его вздымаются; вспять страхомъ отревается; кровавая тѣнь кажется ему изъ гроба возстающа, и гоняща его во мракѣ.

Между тѣмъ во единый вечеръ, покровенная завѣсою предпріемлетъ она

внити въ темницу, отверзаются предъ нею страшныя врата. Входитъ она, держа въ трепещущей рукѣ свѣтильникъ едва густоту мрака пронзающій. Приближается робкими стопами: злодѣи, обитающіе въ семъ мѣстѣ, никогда толикаго ужаса не ощущаютъ.

Іосифъ, успокоенный призываніемъ превѣчнаго, сномъ сладкимъ наслаждался: на ланитахъ его видны еще были слезъ его слѣды, ими омоченъ былъ одръ его; смертная блѣдность впечатленна была на устахъ и челѣ его, но и тогда не лишенны они были всѣхъ своихъ прелестей.

Далука, обращая повсюду свои очи, обрѣтаетъ Іосифа: остановляется она: потомъ приступивъ нѣсколько ближе, зритъ на лицѣ его цвѣтъ смертный: чаетъ его мертва, ужасомъ вспять отревается; и свѣтильникъ въ трепещущей рукѣ ея готовъ былъ угаснути. Но скоро потомъ приближася ко одру, зритъ его спяща. „О сила непорочности! рекла она слабымъ гласомъ, въ жилищѣ ужаса вкушаетъ онъ покой, а я въ моихъ чертогахъ безъ сна пребываю!" Въ тоже время очи свои насыщаетъ она

симъ

симъ любезнымъ видомъ, и слёзы ея лице Іосифово орошаютъ.

Въ тотъ часъ прелестное сновидѣніе услаждало его чувства. Казалося ему, что возлюбленная его Селима вдругъ предстала предъ него почти бездыханна лежащаго. „Тебя ли вижу я, о смертный обремененный бѣдствіемъ! Я пришла оное съ тобою раздѣлити, скончати дни мои съ тобою въ сей темницѣ.“ Таковы были слова, кои чаялъ онъ слышати изъ устъ ея. Въ семъ мечтаніи оживляются черты лица его; украшаются они восторгомъ благодарности; на устахъ его пріятная любви усмѣшка была изображенна; чая простирать къ Селимѣ свои руки, простеръ оныя къ Далукѣ. Терзаема безизвѣстіемъ, Далука не знаетъ, ей ли являетъ онъ сіи любви свидѣтельства; никогда толь нѣжнымъ возмездіемъ она не утѣшалась! Іосифъ пробуждается, и зритъ предъ собою жену станомъ Селимѣ подобную: упоенный сладкимъ мечтаніемъ, не входитъ то въ мысль его, что возстаетъ онъ отъ сна, все, что ни слышитъ, что ни зритъ, въявѣ

быти чаетъ. „Селима! вопіетъ онъ, возлюбленная Селима! предстоитъ очамъ моимъ; ты, которой вручилъ я сердце мое; се оно; ты вѣчно будешь имъ владѣти . . ." Въ тотъ часъ приступаетъ онъ къ ней съ распростертыми руками. Но, о страшный Іосифу ударъ! Онъ зритъ подъ завѣсою лице жены Пентефріевой. Объятый ужасомъ, повергается онъ на одръ свой, и смертная блѣдность на челѣ его паки разпростирается.

Тогда возгорѣлъ гнѣвъ въ Далукиныхъ очахъ. „Безразсудный! рекла она ему, такъ ничто ужѐ тебя отъ возлюбленной твоей не можетъ отлучити? Образъ ея и въ сіи мѣста послѣдуетъ за тобою, изображается во сновидѣніяхъ твоихъ, и самое присутствіе мое служитъ къ обновленію онаго во умѣ твоемъ!... Внемли; въ послѣдней разъ вручаю тебѣ сердце мое: ты зриши силу мою: я низвергла тебя въ сію темницу . . . . Ты трепещешь . . . . Я не оправдаю себя силою моею къ тебѣ любви: естьли бъ чувствовалъ ты хотя единную искру равнаго со мною пламени,

ни, тобъ душа твоя не совсѣмъ сiе оправданiе отвергла. Но естьли бъ вѣдалъ ты, колико стражду я съ той нещастной минуты, то не смотря на свои бѣдствiя пожалѣлъ бы ты и о моемъ мученiи. Всегда терзаемая раскаянiемъ, чертоги мои страшнѣе мнѣ сея темницы стали, и я во страданiи моемъ твоей завидую судьбинѣ, избави меня отъ толикаго ужаса; . . . согласись, чтобъ любовь наградила все зло собою причиненное . . . . Можетъ быть, нѣкогда буду я имѣти болѣе надъ сердцемъ моимъ владычества. По крайней мѣрѣ должно мнѣ прiуготовить себя къ престрашной мысли о твоемъ отсутствiи: не могу разлучитися съ тобою въ сiи лютыя минуты . . . въ кои я тебя гнала, въ кои не могъ ты одолѣти своей ко мнѣ ненависти, и въ кои понесешь ты съ собою отъ меня единый злобный мой образъ. . . . Почто не могу я жити съ тобою въ сей темницѣ! Она въ моихъ очахъ была бы прещастливымъ жилищемъ: но злато обольстити стражу твою можетъ; я могу тебя похитить отъ очей моего супруга, могу вести тебя въ прекрасныя

мѣста, гдѣ ты окруженъ будешь цвѣтами, источниками, рощею; отъ гласа твоего прилетятъ туда игры и смѣхи; ты примешь свою лиру;. . . естьли ты хощешь, любовь приведетъ въ забвеніе всѣ твои нещастія; вмѣсто здѣшняго рабства, тамо будешь ты въ сердцѣ моемъ царствовати, пожалѣй о юности своей. . . о прелестяхъ своихъ. Когда дни твои текутъ въ семъ мрачномъ жилищѣ, когда слёзы безобразятъ черты прекраснаго лица твоего, тогда зеленыя поля и долины тебя призываютъ, эхо гласъ твой хощетъ повторяти, и источники желаютъ образомъ твоимъ украшатися. . . . Наконецъ сжалься надо мною: душа твоя толь чувствительна; ты простилъ братіямъ ненавидящимъ тебя; тяжкосердъ ко мнѣ единой, не уже ли не простишь ты мнѣ зло приключенное тебѣ любовію моею? Сердце мое ощущало всѣ удары, коими я тебя разила; естьли ты умрешь, и я оставлю свѣтъ: но я не могу того токмо обѣщати, чтобы мое прекратилось мщеніе . . . . Ахъ! что вѣщаю я? возлюбленный Іосифъ! Мнѣ ли тебѣ еще угрожати? Отъ тебя зависитъ слышати

ти слова пріятнѣйшія!" Сіе вѣщающей Далукѣ, ярость, ревность и нѣжность, оживляли попеременно черты ея лица. Она проливаетъ слезы, кои огнь ея гнѣва осущаетъ; скоро потомъ текутъ они съ новымъ стремленіемъ. Между тѣмъ сіе страшное жилище, темные своды, и слабый свѣтъ умножали сіяніе красоты ея. Тако, въ нѣдрахъ черныхъ камней, украшенный солнечными лучами и слезами авроры цвѣтъ, испускаетъ благоуханіе, коего дикій камень не можетъ обоняти.

„Мой жребій уже избранъ, отвѣщаетъ твердымъ и свирѣпымъ гласомъ Іосифъ; коль ни страшно сіе жилище, но я стократно блаженнѣе здѣсь съ непорочностію моею, нежели могъ бы я быти въ объятіяхъ самой Селимы, естьли бъ я сталъ преступникомъ. О, возлюбленная Селима! хотя бы я жесточайшими еще отягченъ былъ бѣдствіями, есть ли лютѣе сихъ на земли быти могутъ, то кленусь и тогда быти тебѣ вѣренъ!" Слова сіи произноситъ онъ со гнѣвомъ.

„Кому кленешься ты? Разгнѣванная прерываетъ Далука, можетъ быть, единая токмо тѣнь осталася Селимы; а естьли она еще живетъ, кто можетъ клятися тебѣ, что братъ твой ею не владѣетъ? Кто можетъ клятися тебѣ, что Іаковъ оставленный тобою близъ своего гроба, видитъ еще свѣтъ?"

Отъ сихъ словъ Іосифъ блѣднѣетъ и трепещетъ: скорьбь и ужасъ заградили уста его: нѣкая надежда въ сердцѣ Далуки обновилась. „Колико искусства ты имѣешь, отвѣщаетъ ей потомъ, колико искусства возмущати мою душу! Когда вооруженные воины, отторгая меня отъ друзей моихъ, влекли въ сіе мѣсто, когда услышалъ я затворившіяся за мною сіи страшныя врата, и тогда менѣе ощущалъ я ужасу, нежели въ сію самую минуту, въ которую представляешь ты очамъ моихъ умирающихъ Селиму и Іакова! ... Но естьли бъ Іаковъ и жизнь свою окончилъ, естьли бъ и не имѣлъ я печальныя надежды оросити гробъ его моими слезами, то наставленія его и память съ нимъ купно не угаснутъ.

снутъ. А ты, естьли живешь еще на свѣтѣ, о возлюбленая Селима! ты конечно меня любишь; а естьли нѣтъ болѣе тебя, то кленусь тѣни твоей сохранити тебѣ прежнюю мою клятву!" Рекъ онъ, и слёзы его ручьями лилися по ланитамъ.

Тогда ярость се́рдца Далуки прошла во всѣ черты ея лица̀. „Ты предпочтилъ мнѣ сію темницу! Буди тако, рекла она; ты въ ней погибнешь непремѣнно." Своды повторили сіи страшныя слова̀. Въ тотъ часъ исполненна злобою отходитъ она спѣшно. Іосифъ во мракѣ остается; врата и замки съ шумомъ заключаются, и казалось ему, что они заключаются на вѣки.

Между тѣмъ странникъ нѣкій скитался окрестъ темницы; онъ стеналъ и проливалъ слёзы, яростнымъ окомъ взираетъ онъ на сіе неприступное жилище; хощетъ страшные врата сокрушити; но они силѣ его сопротивляются. Разаряженный препятствіями притекаетъ онъ къ темничному стражу, и проситъ впустити его въ темницу;

стражъ прошеніе его свирѣпымъ окомъ отвергаетъ. Тогда странникъ упадаетъ къ ногамъ его; слёзы его ліются изъ очей его рѣкою. „Ты зриши, рекъ онъ, что нѣтъ никоего оружія со мною; я пастырь, другъ Іосифовъ; хощу его обняти. Естьли сердце твое ощущало нѣкогда сладость дружества, естьли позналъ ты самъ нещастіе, и ежели возлюбленная тебѣ рука отирала слёзы твои, то не буди тяжкосердъ къ моему моленію."

Душа темничнаго стража, смягченная гласомъ и слезами дружества, въ первый еще разъ на жалость преклонилась. Онъ повелѣваетъ ему итти за собою; отверзаетъ врата темницы; пастырь стремится въ сіе мрачное жилище, и обѣемлетъ Іосифа на одрѣ его: оба они на долгій часъ умолкаютъ. „Великодушный утѣшитель! рекъ наконецъ Іосифъ; душа благородная, едина о страданіи моемъ возскорбѣвшая! вѣщай, кто ты? Какія тѣ нѣжныя узы и воздыханія, кои глубину сёрдца моего пронзаютъ?"

„Или

„Или не познаешь ты друга своего? отвѣщаетъ пастырь; того, который жити безъ тебя не можетъ, который пришелъ пріяти участіе въ скорби твоей, и извлещи тебя изъ сего пагубнаго мѣста?"

„О сладкое слово дружества! рекъ Іосифъ, колико трогаешь ты сердце мое, ставшее почти нечувствительнымъ отъ бѣдствъ! Дражайшій Итобалъ! который духъ благотворящій отверзъ тебѣ сіи страшныя врата?... Но для меня нѣтъ уже никоего на свѣтѣ блага; скоро темница сія будетъ моимъ гробомъ. Поди, возвратися къ пастырямъ; да будутъ други мои щастливы; почто пришелъ ты смущати свой покой видомъ моей гибели?"

Мы щастливы! отвѣщаетъ Итобалъ: увы! съ той жестокой минуты, въ которую варвары тебя отъ рукъ нашихъ отторгли, печаль и сѣтованіе царствуютъ посреди насъ; сокрушенныя наши лиры; мы болѣе не украшаемся цвѣтами; не украшаются болѣе и сѣни наши ими; любовь отъ насъ изгнанна;

мы собираемся токмо твое оплакивати бѣдство; самыя стада бродятъ печально по лугамъ; вся природа кажется намъ престрашною темницею; мы вошли въ первое наше состоянiе, и стали паки бѣдные рабы . . . . Но вещать ли мнѣ еще? Ужѐ не зрю я Бога, явленнаго мнѣ тобою, развѣ сквозь нѣкое облако густое. Милость, научалъ ты меня, есть существо его, и источникъ всѣхъ дышущихъ; по симъ знакамъ сердце мое его познавало: но естьли благъ онъ, почто же терпитъ зря непорочнаго друга моего утѣсненна? или подобенъ онъ тѣмъ смертнымъ богамъ, кои царствуютъ надъ нами? Не ужѐ ли онъ благъ купно и свирѣпъ? Не ужѐ ли милость его ко умноженiю золъ нашихъ служитъ? Возлюбленный Іосифъ! съ тѣхъ поръ какъ мы тебя лишились, лежитъ поверженъ олтарь его . . . .“

„Что слышу я? прерываетъ слова его Іосифъ печалiю сраженный: нещастiе мое, о коль лютое имѣло дѣйствiе! погруженный въ сiю темницу, удаленный отъ олтаря поставленнаго мною, чаялъ

я иногда, (и сія мысль услаждала мои бѣдствія) чаялъ я, что вы его воздвигли, и что вы окружая его, невинныя свои руки простираете на небо. Итобалъ! престань меня любити, естьли дружба отторгаетъ тебя отъ Творца всея природы. О, другъ мой ослѣпленный! или забылъ ты, что есть объ онъ полъ нашего гроба, есть спокойное и блаженное жилище, безопасное невинности убѣжище? Естьли нещастные дни мои должны въ сей темницѣ окончиться, то мы узримъ другъ друга тамо, тамо стекутся други равно тебѣ усердные, и гонители мои не возмогутъ меня лишити того, что мнѣ драгоцѣнно. Пренося мысленно въ страну сію, подобенъ тому, кто въ лютую зиму вображаетъ прелести весны приближающейся, забываю иногда сію мрачную темницу и престаю слезы проливати.... Ты крѣпости моей чудишся; не всегда была она непоколебима; ею долженъ я Богу мною призываемому; прибѣгните къ нему, и тую же крѣпость въ себѣ ощутите."

„Возможно ли! рекъ Итобалъ возхищенный, когда пришелъ я облегчить

твое

твое страданіе, ты самъ меня утѣшаешь!... Но терзающаяся душа моя не можетъ твоей равнятися крѣпости. *Стремительно.* Нѣтъ, ты не погибнешь въ сей темницѣ; вѣдай, что не хощемъ мы толь жестокому служити господину; я умру, или отъ ярости его тебя избавлю; сражуся за тебя и непорочность; гнуснымъ о тебѣ небреженіемъ не пріиму я участія въ неправотѣ твоихъ гонителей. Или, остави сію бездну, можетъ быть, въ сей единый разъ отверстъ мнѣ входъ въ сіе мѣсто: нѣтъ со мною оружія: но чего не можетъ содѣяти храбрость дружествомъ воспламененная! Иль мнишь ты, что забылъ я день тотъ, въ который меня влекомаго въ темницу, спасли слёзы твои? тогда ты меня еще не зналъ, и единое человѣчество тебя восхищало: а я чтобы измѣнивъ вдругъ и дружеству, и благодарности, и Богу мнѣ тобою явльщемуся, и добродѣтели тобою же въ мое сердце вкорененной, чтобы я оставилъ умрети тебя въ семъ страшномъ жилищѣ! Но слёзы не избавятъ тебя отъ твоихъ тиранновъ: развѣ не зрѣли они ихъ изъ очей твоихъ ліющихся? Кровь, кровь пролити должен-

женствуетъ. Или: Богъ самъ сразится за невинность." Сіе изрекши взялъ онъ въ восторгѣ руку Іосифа повлещи его изъ темницы.

Іосифъ отъемлетъ руку свою отъ Итобала. „Естьли, рекъ онъ, хощете вы уменьшити бремя золъ моихъ, то сносите съ твердостію оныя. Пребудьте всѣ вы вѣрны Пентефрію; онъ невиненъ. Возвратися въ свои хижины; принеси туда миръ и постоянство. Поставі паки олтарь воздвигнутый мною; приведи къ нему всѣхъ пастырей; пока я живъ пребуду, изъ сего мрачнаго жилища моленія мои соединяться будутъ съ вашими. Благочестіе снидетъ съ небесъ посреди васъ, и слёзы ваши отретъ ея десница. Возмите ваши лиры; собирайте цвѣты съ полей вашихъ; да непорочная любовь наградитъ васъ за скорби дружествомъ произведенныя; мысль о вашемъ щастіи остановитъ иногда слезъ моихъ теченіе . . . * съ негодованіемъ * Хощешь ли ты, чтобъ я ушедъ отсюда преступникомъ явился, чтобъ бѣжалъ я, яко рабъ недостойный, уклоняющійся отъ казни, чтобы

слухъ

слухъ о возлагаемыхъ на меня злодѣяніяхъ дошелъ со мною до дому отца моего, и чтобы не дерзалъ я объяти возлюбленныхъ моихъ не отвергнувъ отъ себя толь тяжкія укоризны?"

„Повѣждь мнѣ, отвѣщаетъ Итобалъ, вину твоего бѣдствія. До сего дня чтилъ я твои таинства; невѣдомы мнѣ твои прежнія нещастія; утѣшь и свое и мое сердце, и излей въ душу мою настоящее твое прискорбіе." Вещая сіи слова, жалъ онъ его руку съ горячностію.

„Ты знаешь долгъ сердца благодарнаго, рекъ Іосифъ; чемъ долженъ я мужу великодушному, то самое не дозволяетъ мнѣ открыти тебѣ ненавистныя истинны . . . Другъ мой возлюбленный! прости въ послѣдній разъ. Когда смерть мои желанія исполнитъ, собери, естьли возможно, прахъ мой; пренеси оной въ сіе уединенное жилище, подъ развалины той сѣни, гдѣ лилися мои слезы; не могши быти погребенъ въ дому отца моего, пусть друзья мои окружатъ мою гробницу; напиши

надъ

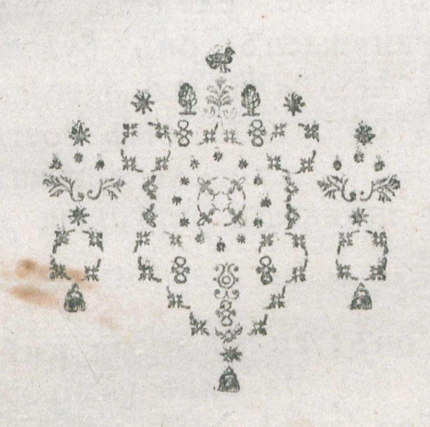
надъ нею: *здѣсь покоится мирный прахъ нещастнаго.* Приходи иногда самъ на мѣсто сіе, да возлюбленная рука твоя усыплетъ цвѣтами гробъ мой; не орошай его слезами. Возпомни ты тогда, что смерть есть то сладчайшее убѣжище, которое могъ на сей землѝ обрѣсти другъ твой. Естьли нѣкто изъ васъ отягченъ будетъ нѣкимъ бѣдствіемъ; да пріидетъ онъ въ сіе посвященное слезамъ уединеніе: тамо принужденъ онъ будетъ признатися, что зло его терзающее не равняется съ тѣмъ, отъ коего увялъ цвѣтъ моея юности, и можетъ быть, тѣнь моя пріидетъ укрѣпити душѝ его твердость."

Рекъ онъ: сплетенныя имѣя рўки, были они оба на одрѣ разпростерты, Итобалъ не могъ себя изъ рукъ его изторгнуть, и слезный проливалъ источникъ: смягченный симъ Іосифъ стеналъ и воздыхалъ. Тако прощаются двое братія, любящіе другъ друга съ горячностію, изъ коихъ одинъ приступаетъ ко вратамъ смерти; долго сей хотѣлъ утѣшити брата своего; но

смерть

смерть приближается; онъ болѣе не зритъ его; чувствуетъ себя еще въ его объятіяхъ, и слезами своими его омываетъ, тогда почти оледенѣвшее сердце его вкушаетъ еще разъ сладчайшее дружбы чувствованіе, и очи его на вѣки затворяяся, послѣднія свои слезы проливаютъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ІОСИФЪ.